

новобретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nekrasovniko1ai.ru/> приятного чтения!

Новоизобретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов

НЕПРАВДОПОДОБНЫЙ РАССКАЗ

I

Среди огорченных, озабоченных и расплаканных пассажиров, отправлявшихся однажды летом из Петербурга в Москву в почтовой карете, герой настоящей повести поражал необыкновенным спокойствием. Может быть, оно происходило оттого, что он ехал в сопровождении красивой собаки из породы водолазов, в страшной силе и отважности которой не допускали ни малейшего сомнения огромный рост и громогласная кличка. Хозяин звал ее Прометеем. Самого хозяина находившийся при нем человек, дюжий малый лет двадцати, называл Леонардом Лукичом, а провожавший его приятель – Хлыщовым. Господин Хлыщов принадлежал к породе мужчин крупных и видных; многие даже называли его красавцем, исключая, однако ж, нас: мы всегда были такого мнения, что лучше иметь щеки не столь полные и румяные, но без того подозрительного лоску, который поверхностные наблюдатели принимают часто за признак глупости, не умеющей скрыть восторга, ощущаемого при постоянном сознании и созерцании собственных достоинств. Был ли действительно герой наш глуп или обладал уважительными причинами к невозмутимому самодовольствию – обстоятельства раскроют впоследствии. Кроме красных, выпуклых щек, господин Хлыщов имел усы, о настоящем цвете которых читатель получит точное понятие также впоследствии – во второй или третий день его путешествия, – и пару больших совершенно синих глаз, напоминавших большую рыбу, например белугу, только что вытасченную на берег... да! они были мало выразительны, зато нежная, спокойная, ничем не возмутимая прозрачность их повергала в истинное умиление! Господину Хлыщову было за тридцать лет. Касательно сердечных свойств и привязанностей его покуда ничего не можем сказать. Известно только, что он сильно любил свою собаку, чему доказательством служит и место внутри кареты, которое он взял ей рядом с собой. Надо сказать правду, что никогда, может быть, привязанность к Прометею не возвысилась бы в сердце его до забвения собственных интересов, если б тут не примешивалось особенное обстоятельство: как ни глубоко чувствовал, как ни высоко ценил господин Хлыщов свои личные достоинства, которым и мы в течение рассказа отдадим полную справедливость, он, однако ж, не мог не заметить, что в одиноких прогулках своих по Невскому проспекту не производил и половины того эффекта, каким пользовался, появляясь в сопровождении своей огромной собаки. Таким образом мы видим, что похвальное чувство благодарности к бессловесному существу сделало то, чего не могли сделать красноречивейшие убеждения господина Турмаиова, который, проигравшись в пух (а известно, что красноречие проигравшегося человека почти неотразимо), в самый день отъезда пристал к своему другу, а нашему герою, с просьбою ссудить его незначительной суммой.

– – Не могу, – отвечал ему Хлыщов, – самому деньги нужны на дорогу.

– – Но ведь я в таком положении, что хоть продавай последний сюртук!

– – Не могу, не могу, не могу! – повторил Хлыщов решительно. – Вот поеду в Москву, женюсь, возьму хорошее приданое, и тогда изволь, сколько хочешь!

Итак, Хлыщов ехал в Москву жениться. Факт не лишенный важности! Приняв его к сведению, скажем, что господин Турманов был именно тот приятель, который провожал теперь нашего героя. Находясь в положении еще более ужасном, чем решился открыть своему другу (мы положительно знаем, что продажа одного сюртука далеко не могла его выручить), он, однако ж, не упал духом перед решительным отказом.

Он остался у Хлыщова весь день, ходил с ним делать закупки, принял деятельное участие в закуске, помогал Хлыщову закрыть плотно набитый чемодан и между тем по временам, улучив минуту, совершенно неожиданно повторял свою просьбу, увя! всё так же безуспешно. Наконец пришло время отправляться в отделение карет... Давно сказано, что надежда такой прелестный цветок, который никогда не вянет: Турманов последовал и туда за Хлыщовым, и таким образом ничему другому, как всё той же вечно живущей в человеческом сердце надежде, Хлыщов был обязан тем, что уезжал напутствуемый, подобно другим пассажирам, искренними пожеланиями...

Но только пожелания господина Турманова были такого свойства, что едва ли можно

обретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko порадоваться им. Когда, облобызав в последний раз нашего героя, забравшегося уже в карету, Турманов тихим и робким голосом повторил свою просьбу, а Хлыщов громким и решительным свой отказ, - надежда наконец покинула несчастного, он взбесился и громко воскликнул:

- - Ну, жадная душа! чтоб тебе в Москве ни жены, ни приданого... а случись там с тобой...

Резко раздавшийся рог кондуктора, смешанный с шумом тронувшихся кареты и брика, заглушил последние слова раздраженного приятеля, к величайшему сожалению переднего пассажира, - породю немца, который немало удивился такому оригинальному способу прощанья и поспешил сообщить свое удивление соседу.

- - Што он сказал? вы слышали?

- - Слышал, - сквозь зубы пробормотал сосед.

- - Браниль?

- - Не бранил, а так: видно, поссорились, - мрачно отвечал сосед, в котором рекомендуется читателю Мартын, камердинер нашего героя.

- - Поссорились?

- - Наш барин не такой - браниться никому не позволит, сам сдачи даст!

- - Барин?

- - А то кто же? Разумеется, барин!

- - Ваш барин? Вы его камердин?

- - Да, камердин, - отвечал Мартын, передразнивая немца.

- - Богатый барин?

- - А то как же!

- - Служит?

- - Нет.

- - А что не делает?

- - Что? Известно: поутру встанет, чаю выпьет, велит трубку подать, курит; господа придут; ну, известно: закуска; либо книжку лежит читает; у нас книжки всё новые; как месяц прошел - старая не годится, - ступай, носи новую, и билет такой есть: придешь покажешь его - и выдадут - слона ко скажут! И я тоже читал. А вечером в театр либо к приятелям, а не то к нему соберутся: столы поставлю, играют. А бывает, коли вздумается, и с утра играют...

Пока Мартын описывал любопытному немцу образ жизни своего барина, карета быстро катилась по торцовой мостовой и наконец повернула в другую улицу. Проводив глазами ненавистный экипаж, умчавший лучшие его надежды, господин Турманов медленно стал переходить пешеходный мостик, против отделения почтовых карет. Лицо его было мрачно. "И за что потерял я целый день? - шептал он уныло. - Шатался с ним по магазинам, чуть но надорвался, зашнуровывая проклятый чемодан? Да обойди я лучше тем временем приятелей, достал бы, непременно дослал бы... мне и Чухломин бы дал, и Саврасов бы дал... а теперь поди застань кого-нибудь: все по дачам, на островах, в Павловске... А славное сегодня гулянье в Павловске, с музыкой..." Он вздохнул... "Хоть бы музыки послушать... всего и проезд-то пустяков стоит..." С надеждой, внезапно мелькнувшей в лице, он обшарил свои карманы и опять вздохнул глубоко-глубоко.

Солнце усердно пекло прощальными своими лучами. Воздух был душен, тротуары раскалены, пыль лезла в горло и производила сухой кашель. То был час, в который летом оставаться в городе суше горю.

обретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko
Господин Турманов, продолжая машинально свой путь, очутился у церкви Николая Морского и остановился. В ограде на зеленой траве играли дети. Он засмотрелся. О, как бы желал он теперь сам превратиться в дитя, чуждое житейских треволнений... стать с своим мячиком посреди розовых малюток, беспечно бегающих с обручиками, мячиками, картонными лошадками и всякими игрушками! Неведомая сила тянула его туда. Слезы сверкнули у него в глазах, грусть, сожаление, злость давили ему грудь, и тоска его разрешилась наконец в долгое, энергическое проклятие, посланное господину Хлыщову...

Оно было так искренно, так энергично, почерпнуто в таких сокровенных тайниках злобы и ненависти, что нет ничего мудреного, если оно отзовется нашему герою!

II

Занятия, которым предавался Хлыщов в дороге, всего лучше могут определить состояние духа, в котором он находился. Нередко всматривался он в блестящие дощечки жестяного фонаря, отражавшие его полное, краснощекое лицо; по как отражение было не довольно ясно, то он по временам открывал дорожный мешок, доставал небольшое зеркало и с помощью его дополнял сведения о состоянии своей физиономии, почерпнутые при посредстве фонаря. Глядясь в зеркало, он щурился, подмигивал, лукаво улыбался, покручивал и подергивал свои усы и вообще делал всё, что иногда делают перед зеркалом люди, знающие, что никто за ними не подглядывает. "Граф, граф, решительно граф,- говорил он, трепля свою полную щеку.- И осанка такая - и взгляд графский!" Когда эти занятия начинали ему надоедать, что случалось, впрочем, не слишком скоро, он обращался к молчаливому свидетелю своих наблюдений и вступал с ним в дружеский разговор. - Что ты видел во сне? что во сне видел, а? Ну, пошел зевать, пошел... Неженка! Вишь, развалился! а вот выгоню тебя, так и будешь бежать за каретой,- тогда увидим. Неизвестно, что думал в то время Прометей и вообще до какой степени развиты были его мыслительные способности, но с достоверностию можно сказать, что обоняние его было развито довольно сильно: он беспрестанно обнюхивал тот угол кареты, где находились копченые колбасы и другие дорожные запасы господина Хлыщова, составлявшие, по-видимому, постоянный предмет размышлений его верного пса. Случалось, что Прометей обнаруживал даже явное покушение полакомиться ими, но герой нага довольно неучтиво отталкивал его, пока наконец голод не пробирал его самого. Тогда в карете мгновенно всё оживлялось.

Каким бы глубоким сном ни спала собака, Хлыщову стоило крикнуть и прищелкнуть языком, чтоб поднять ее: ибо многочисленные наблюдения убедили сметливого Прометея, что герой наш издавал вышеупомянутые звуки только в таких случаях, когда, выпив водки, приступал к закуске. И действительно, испустив их, он тотчас доставал складной нож и развертывал припасы. Собака не спускала с него глаз, провожая в его рот каждый кусок, и жадностью своей подавала господину Хлыщову неистощимый повод к остроумию и наставительным замечаниям касательно терпения и других добрых свойств, необходимых хорошей собаке.

Иногда вдруг охватывало его поэтическое настроение. Он пел куплеты из любимых своих водевилей, и тогда целый рой милых сердцу театральных воспоминаний возникал в его голове. Мысленно переносился он в Александрынский театр, и перед ним стройно проходили любимые артистки, с своими очаровательными улыбками; знал он также много романсов и громким, проникающим душу голосом пел:

На заре ты ее не буди,

На заре она сладко так спит,

Утро дышит у ней на груди,

Ярко блещет на розах ланит...

То был его любимый романс; он пел его беспрестанно, вытягивая с особенным одушевлением стих:

У-тррро дыыыыы-шит у ней на грррру-дддди...-

обретенная привилегированная краска братьев дирлинг и ко. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko
причем его собственная могучая грудь высоко подымалась, и он вздыхал
сладко-сладко и мысленно рассчитывал версты.

Поэтическое настроение его оканчивалось обыкновенно тем, что он начинал сам складывать стихи, - участь всех одиноких путешественников, сколько-нибудь наклонных к мечтательности и отвлеченностям. До какой степени удачны поэтические опыты Хлыщова, читатель может судить по следующему отрывку:

Ассан сидел, нахмуря брови.

Кальян дымился, ветер выл.

И, грозно молвив: "Крови! крови!",

Он встал и на коня вскочил.

"Зюлейка! нет, твою измену

Врагу я даром не прощу!

Его как мяч на шашку вздену,

Иль сам паду, иль отомщу!"

Что было ночью в поле ратном,

О том расскажет лишь луна...

Наутро конь путем обратным

Скакал... Несчастливая жена!

Мешок о лук седельный бился,

Горела под конем трава.

Но не чурек в мешке таился:

Была в нем вражья голова!

Стихотворение называлось "Месть горца". Автор думал посвятить его трем буквам со звездочками, значение которых мы скоро узнаем; к слову чурек сделана была выноска: чурек - черкесское кушанье.

Читатель теперь видит, что имеет дело с человеком не совсем обыкновенным, и если, может быть, до сей поры он недоумевал и даже обижался, почему автор с таким усердием описывает мельчайшую черту своего героя, то теперь, надо надеяться, подобное недоумение уже не может иметь места. Почему Хлыщов, при всех условиях счастья, которым, по-видимому, наслаждался, выбирал такие мрачные картины? Потому, всего верное, что мелкие чувства и страсти, обыкновенные происшествия, обыкновенных людей он считал решительно недостойными описания и всегда удивлялся, как у авторов достает терпения возиться с таким к предметами. Любимым его чтением был "Кавказский пленник", после которого всего выше ставил он "Хаджи-Абрека", мало видя хорошего в остальных произведениях Лермонтова. Он думал, что изображения достойны только чувства громадные, предметы поразительные, люди со страстями могучими и душой возвышенной. И, надо признаться, мы совершенно с ним согласны, а потому именно выбрали нашим героем его, господина Хлыщова, а не кого-нибудь другого...

Однако ж к делу.

Нет никакого сомнения, что самыми торжественными минутами в путешествии Хлыщова были те, когда карета, с шумом подкатывалась к станции и останавливалась. Дверцы растворялись; вслед за своим хозяином собака бойко выскакивала, расправляла свои могучие члены, картинно выгибаясь, лаяла, визжала и бросалась ко всем с признаками живой радости. Но прочие пассажиры, не поняв ее дружеского

приобретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1
расположения, приходили в смущение и пятились; дамы кричали: "Ах!"

Тогда Хлыщов, с любезностью приложив руку к фуражке и грациозно принагнув голову, произносил самым нежным голосом:

- - Не извольте пугаться, сударыни. Собака моя, только страшна с виду и сила у ней ужасная, но, пока я при ней, она не сделает никому ни малейшего вреда... особенно прекрасному полу.

Вслед за тем кроткое выражение лица его сменялось повелительным и чрезвычайно свирепым с такой быстротой, как будто вдруг поставили ему сзади на плечи другую голову; голос из нежного тона мгновенно переходил в густой, настойчивый бас, и герой наш кричал:

- - Прометей, сюда!

И собака тотчас послушно опускала уши и смиренно садилась на задние лапы у ног своего хозяина.

- - Вот как у нас! - гордо замечал тогда Мартын своему соседу, с любовью оглядывая собаку. - Ведь уж как же мы ее и учили. Сколько битья приняла сердечная! А то прежде на людей бросалась - разорвет... Соседи хотели жаловаться в полицию, а кучер генеральский просто грозился известить: я, говорит, подсыплю ей яду...

- - Мартын, трубку! - раздавался вдруг голос господина Хлыщова, и Мартын, не кончив речи, опрометью бросался с своего высокого сиденья, с готовой уже трубкой, которую, ради скуки, набивал всю дорогу.

Нужно заметить, Хлыщов в карете курил папироски, а на станциях трубку с длиннейшим чубуком. Герой наш не любил коротеньких чубуков.

Когда человек хорошо настроен, каждая безделка доставляет ему повод к наслаждению. Разные дорожные встречи и случайности, ссоры ямщиков, привязчивые продавцы Выборгских кренделей и баранков, называющие каждого проезжающего золотцем, - всё развлекало нашего путешественника; он острил, хохотал, пугал баб своей собакой и вообще обнаруживал признаки счастливейшего смертного.

И точно, он был счастлив. Не говоря уже о том, что он, как мы узнали, ехал жениться, и о том, что мог есть безнаказанно, как мы тоже видели, копченую колбасу в дороге, - вся вообще обстановка его жизни была такова, что печалиться было нечему: он был молод, хорош собой, по крайней мере по собственному убеждению, далеко не беден и наслаждался полной независимостью. Разбогател он, впрочем, недавно; в прошлую поездку свою в Москву он влюбился в одну очень образованную, примерной нравственности девицу, с хорошим приданым, но тогда еще, как он сам говаривал, делишки его хромали: бабушка его была еще жива. Благоразумие предписывало подождать. И вот теперь бабушка его умерла, оставив ему хорошее наследство, - и он ехал к предмету своей страсти, твердо уверенный в полной победе...

Таким образом, желание произвести блистательнейшее впечатление на невесту было единственной заботой его в дороге. Надлежало, следовательно, принять меры, чтобы дорога не испортила лица. И герой наш принял их: во всю дорогу он ни разу не умывался, хотя карета страшно пылила и по природе был он весьма чистоплотен. Усы его через сутки начали терять свой черный цвет, наконец покраснели как кирпич, и скоро не осталось ни малейшего сомнения, что природный цвет их был рыжий; но с усами справиться легко! Иное дело нос. Так как нос Хлыщова имел несчастную привычку краснеть вследствие малейшего трения, то герой наш в последнюю ночь решил даже не спать, рассчитывая, что и приобретенная таким образом бледность придаст лицу его интересное, поэтическое выражение... Но натура взяла свое: как ни крепился Хлыщов, к утру сон одолел его, и он проснулся с краснейшим носом, благодаря суконному обшлагоу шинели, в течение нескольких часов усердно делавшему свое дело. Обстоятельство ничтожное, и мы не упомянули бы о нем, если б оно значительно не омрачило веселости нашего героя. Проезжая последние станции, он ни разу не поговорил с своей собакой, не любезничал с дамами, но тотчас, как отворялись дверцы, бежал к трактирному зеркалу, подозревая собственное в предательстве. Но и трактирные зеркала показывали то же, с прибавлением иногда небывалого раскоса в глазах, чем Хлыщов, видимо, оскорблялся, отскакивая с

обретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов nekрасovnikoT негодованием и бросая кругом свирепые взгляды.

Думая, нет ли чего тлетворного в дыхании собаки, Хлыщов целые две станции проехал, высунув голову в окно, причем изрядно наглотался пыли; но что нужды! пыль шла в желудок, в котором у него всё обстояло благополучно... беда та, что губительная краснота нисколько не уменьшалась. Оставалась одна надежда на разные косметические средства, которых находился при нем изрядный запас, – и Хлыщов с нетерпением ждал минуты прибытия в Москву.

И вот она наконец наступила, к величайшей его радости. Приказав Мартыну везти чемоданы в гостиницу Шора, а с собой захватив только дорожный мешок, Хлыщов нанял лучшего извозчика и полетел к Охотному ряду.

"Придется, может быть, – думал он дорогой, – принимать у себя родственников невесты: надо, чтоб квартира была хорошая. Пусть видят, что в родню к ним вступает не какой-нибудь забулдыга!"

К счастью, два лучшие номера в гостинице Шора были порожние. Поторговавшись порядочно и назвав всех трактирщиков обиралами, Хлыщов взял их.

– – Воды, скорей воды! – кричал он человеку, входя в комнату.

Человек пошел, а Хлыщов подскочил к зеркалу...

III

Когда Хлыщов разложил свой несессер и дорожный меток, нельзя было не подивиться необыкновенному обилию косметических средств, находившихся при нем; особенно мыла, в тисненых коробочках, в красивых жестянках, в цветных бумажках, имелось такое огромное количество, что невольно возникал вопрос: не был ли герой наш просто мыльным торговцем и не приехал ли в Москву с образчиками своего товара, которому не находил достаточного сбыта в столице? Но такое обидное предположение скоро рассеивалось тем, что каждый сорт имел свое особенное назначение и по мере надобности поступал в дело. Составов для крашенья усов было также немало; выгружая их, Хлыщов вскрикнул: любимый его фуляр, с китайскими мандаринами по краям и с чувствительной сценой в середине, был залит черной жидкостью, которая успела уже засохнуть и отставала местами, как кора с дерева.

"Надо будет его перекрасить", – подумал Хлыщов.

Пока герой наш умывался, Мартын призвал парикмахера, и через два часа Хлыщова нельзя было узнать – причина, обязывающая нас как можно подробнее описать его превращение.

Нежная кожа налима может дать далеко не полное понятие о том, до какой степени выбритая борода его, натертая благовонным мылом, синелась и лоснилась; усы были черные как смоль и расположены эффектнейшим образом: представляя в основании почти сплошную массу, постепенно шли они тоньше и тоньше и оканчивались с каждой стороны одним длинным волоском, закрученным в колечко; симметрия была соблюдена с удивительной точностью. Волосы были завиты мельчайшими колечками. На нем был черный сюртук с иголочки; брюки цвета вареной лососины, с черными лампасами, жилет черный с красным снурком по бортам. Руки его украшены были кольцами и дорогими перстнями. Туго накрахмаленные воротнички рубашки красиво облегли его полные щеки, а подбритый затылок тонул в складках синего шарфа, приколотого спереди огромной булавкой, в виде серпа, с маленькими брильянтами. Здесь необходимо отступление. Хлыщов принадлежал к числу немногих избранных, у которых волосы растут не спросясь, где нужно, где нет, с изумительной силою; в одиночку или попарно сюрпризом выбегали они на его щеки где попало; греческий нос его (он любил называть свой горбатый нос греческим) постоянно был украшен небольшим, но тесным семейством маленьких волосков необычайной белизны и тонкости; Хлыщов боялся их трогать, чтоб не наделать хуже, и благодарил судьбу, что они еще белые; не так милостиво поступал он с черными, коренастыми волосами, лезшими из самого носа такими пучками, что, не тронь он их ножницами, из них в короткое время вышло бы престранное дополнение к усам; уши его, по выражению одного остряка, зарастали так, что он по временам лишался всякой способности ценить оперу, отчего и предпочитал ей цыган. Голова в незавитом состоянии напоминала сноп, скомканный и перевернутый шаловливыми ребятишками, и волосы на ней, особенно сзади, росли так низко, что Хлыщов пришел к необходимости подбривать свой затылок, подобно кучерам, делающим то же из франтовства. Объяснив, почему

изобретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1 затылок нашего героя был подбит, приступаем к окончанию обстоятельной описи его наряда. Оно будет коротко: не упомянуто выше только о сапогах, которые были новы и немножко поскрипывали, – обстоятельство, глубоко огорчившее нашего героя. Он был но чужд прогресса, и с того самого дня, как прочел в модах одного журнала, что сапоги со скрипом перешли в достояние франтов дурного тона, Хлыщов возненавидел скрип, которым в течение одиннадцати лет самодовольно оглашал гостиные своих знакомых, следуя мнимой моде. И теперь каждый раз, как сапоги его, до крайней степени ссохшиеся в дороге, издавали звук, наполнявший некогда сердце его гордым удовольствием, герой наш содрогался!

"Впрочем, здесь не Петербург; может быть, оно даже и лучше", – наконец подумал он с полным убеждением, привыкнув, подобно всем счастливым, толковать в свою пользу хорошую сторону предмета мимо десяти дурных, и, подумав так, он протянул руку к духам.

Надушился он так, что Прометей, как ни любил своего хозяина, не мог оставаться в одной с ним комнате и, расчихавшись, убежал в прихожую.

– – Не твоему собачьему носу нюхать такие духи! – рассмеявшись прокричал вслед его Хлыщов и подошел к зеркалу.

Он был уже совершенно готов, даже перчатки, чистейшего лимонного цвета, были надеты, и подходил он теперь к зеркалу с таким же чувством, как художник, окончив любимую картину, выбирает лучшую точку, чтоб обнять эффект целого.

– – Еще подумают, что пьянствовал в дороге, – пробормотал Хлыщов, с неприятным чувством всматриваясь в красноту своего носа (увы! никакие старания не могли уничтожить его), и вздохнул. – Но я сделал всё, что мог... не отрезать же мне его?... видно, уж такая судьба!

Всего более бесило его то, что у Мартына, подвергнувшегося тем же самым влияниям, нос был нисколько не красен.

"А еще ехал, шут, впереди!" – думал Хлыщов, вздергивая плечами в горьком недоумении.

– – Мартын! Ты пил дорогой? – спросил он вдруг.

– – Как же-с! Да вот еще на той станции... как бишь ее? вот и забыл! квас такой важный!

– – Да нет... не квас! вино пил?

Мартын подумал и произнес:

– – Виноват-с.

– – Не в том дело. И много пил?

– – Как можно-с!

– – Ну а как?

– – Пил-с.

– – Да много ли! Каждый день?

– – Каждый... Нельзя-с: ночи такие холодные...

– – Как! и по ночам пил? – воскликнул Хлыщов и снова пожал плечами, сделав гримасу, которую вместе с движением плеч можно было перевести так: "Вот поди и спрашивай справедливости у судьбы!"

Объяснив обидную шутку судьбы особенной нежностью своей благородной кожи (чем значительно утешилась его щекотливая гордость), Хлыщов величественно облекся в синий плащ с бархатными отворотами, изобретенный исключительно для таких гигантов, и вышел.

обретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko
Был час четвертый. Насидевшись вдоволь дорогой, герой наш чувствовал сильную потребность пройтись, и как времени до обеда оставалось еще довольно, то он и отверг решительно многочисленные предложения извозчиков, величавших его графским сиятельством. Конечно, такая грубая и пошлая лесть не могла ему нравиться; но как она служила новым доказательством некоторых собственных его заключений, сделанных перед зеркалом в почтовой карете, то и не осталась вовсе без его внимания: "Ведь не всех же и они величают графами! - думал он, драпируясь своим плащом.- Иной хоть тысячу прокатай им, а больше вашего благородия не дождется!"

В самом веселом расположении проходил он по узким кирпичным тротуарам, попирая их с особенной силой, в надежде, что сапоги авось выскрипятся и будут вести себя в гостинной будущего тестя прилично.

Нет сомнения, что веселость его, говоря цветистым слогом, была бы еще безоблачнее, если б не зеркальные стекла некоторых магазинов, заглянув в которые он тотчас отворачивался с неприятной гримасой и даже иногда выпускал глубокий вздох.

Ничто не могло равняться презрению, с которым осматривал он проходящих, особенно тех, в которых замечал претензию на щегольство.

"В Москве еще носят бирюзовые запонки,- думал он, преследуя сатирическим взором предмет своих наблюдений,- а вот... ха! ха! ха! белые перчатки, шляпа, фрак и - фуражка! в столичном городе в фуражке!.. А вот... ну, отличился, отличился! пальто с иголки, сапоги лакированные - и сережка в ухе... ха! ха! ха!.. Эх, Москва, Москва! матушка Москва, золотые маковки! Далеко тебе до Петербурга... Тише, ты, ротозей! не видишь!!!" - Последнее восклицание, произнесенное весьма резко и грозно, относилось к дюжему парию, тащившему на голове лоток вареных груш и чуть не окатившему их сиропом нашего героя.

- - А ты сторонись, не видишь - с лотком иду! - прокричал разносчик.

- - Ах ты, ах ты...- сердито возразил Хлыщов, и голоса у него не хватило. Честь его была глубоко оскорблена, он хотел догнать дерзкого и спросить, знает ли он, кому осмеливается грубить, как всегда дельвал в подобных случаях; но вдруг рука его коснулась плаща, и он побледнел. Струи грязной жидкости бежали по бархатным отворотам и некоторые обнаруживали дерзкое намерение пробраться под плащ. Пока Хлыщов предупреждал их порывы, разносчик исчез. В то же время над головой Хлыщова послышался бойкий и довольно приятный женский смех.

Сдержав резкие выражения, которые готов был послать разносчику, Хлыщов поднял голову. Он находился против весьма длинного и грязного двухэтажного дома, во всю длину которого тянулась вывеска такого содержания: "Дирлинг и Ко, красильщиков и пятновыводчиков из Парижа". В растворенном окне над вывеской виднелась женская головка замечательной красоты; рот незнакомки был полураскрыт, причем во всем блеске выказывался ряд ровных и беленьких зубов; живые глаза с детским любопытством у участием, даже больше - с любовью, устремлены были на Хлыщова. Хлыщов улыбнулся, показывая тем, что сам готов смеяться своему несчастью, и тотчас же убедился, что его высокий рост, важная осанка, блестящий наряд обворожили незнакомку... Нет никакого сомнения: победа совершена!

"Уж не зайти ли? - подумал он.- Тут, кажется, красильня. Будто что-нибудь выкрасить. Да ведь зачем пойдешь? Не такое время! А ну хоть бы затем, чтобы посмотреть ее вблизи да самому показаться... испытать, как, например... нос? не паразит ли ее вблизи? Может быть, я только так напрасно тревожусь".

И он уж решился было зайти; но мысль опоздать к обеду остановила его. Он ускорил шаги, повернул в соседний переулок и, взглянув на часы, взял извозчика. Через десять минут он уже всходил по лестнице, которая вела и квартиру его будущего тестя.

IV

Отрывок из письма Хлыщова к петербургскому приятелю

"...Скажу тебе, дружище, что семейство, в которое скоро должен я вступить, поистине образцовое. Отец, Степан Матвеич Раструбин, человек не слишком большой образованности, и манеры самые обыкновенные; но что и манеры, когда нет души! А

обретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов nekрасovniko
у него, я тебе скажу, душа самая благородная: вообрази, за дочью дает полтора ста тысяч чистогану, да еще по смерти достанется нам до ста тысяч. Он, я тебе скажу, нажил все состояние сам – и чем же, как думаешь? пиявками! В молодости случилось ему быть в Персии; там он и высмотрел, что пиявки вещь недурная. Вышел в отставку, откупил в Персии какое-то болото и завел торг, да вот теперь у него два дома и до полумиллиона чистыми! Он уже давно, разумеется, оставил эту торговлю; понимаешь, наживши такое состояние, оно как-то неловко, а говорит: продолжай торг, добил бы до миллиона. Конечно, он хорошо сделал, что перестал, а всё жаль: пиявки, пиявки, а деньги такие же! Престранный старик! Если б ты знал, как он любит пиявки! Всякую вещь ими называет. Дочь у него пиявочка, жена пиявушка, лакей Пиявкин; побранить ли кого вздумает, кричит: пиявица! От всех болезней у него одно лекарство – пиявки, и вообрази: сам ничем в жизни не лечился, кроме пиявок, – а ведь как здоров! Толстяк такой, а лицо – кровь с молоком! И к семейству своему и к знакомым беспрепятственно пристаёт, не поставит ли пиявок; лошадям пиявки ставит, а маленькую фифи совсем погубил: проклятые всю кровь высосали у бедной собачонки; делались, видишь ли, с ней престранные припадки: вдруг завертится, начнет бегать вокруг комнаты, кружится, кружится да наконец и упадет, ну биться; он ей и приставь сорок четыре пиявки, всю ее так улепили, что смешно было смотреть, стала вся мохнатая, точно новой шерстью обросла! Была толстая, жирная, как всегда мопсы. А как отвалились, так совсем не узнать: точно кот стала, с неделю не кормленный, и шатается. Я, признаться, сначала и порадовался: терпеть не могу никаких маленьких собачонок, особенно мопсов, – ножки короткие, ходит – переваливается, морда тупая, а шерсть так лоснится, – тьфу, противно вспомнить! Да моя бедная Варюша расплакалась: "Вы, – говорит, – папенька, ее погубили своими пиявками!" А он только смеется. Вообрази: и меня вздумал было лечить пиявками: сделалось у меня с дороги небольшое красное пятно на носу – так, пустяки! Он и пристал: приставь да приставь я к носу пиявку, я отнекиваюсь... Только что же? Заснул я после обеда: с дороги устал (понимаешь, я у них по-домашнему), слышу шорох, и нос так страшно холодит... открыл глаза, а он тут! и пиявка в руке, уж пробовал, да счастье, не вдруг пристала! Я как вскрикну. Он, уж нечего делать, – стал извиняться; я, говорит, вам же добра желал, а впрочем, как хотите – обиделся! И чего вы боитесь, говорит, вот смотрите: взял и приставил к своему носу: каков? Беда при нем заикнуться, что нездоровится, болит что-нибудь. Умора! а, впрочем, хорошо, что он так привязан к тому, чем, можно сказать, судьбу свою упрочил, – редкая в наш век черта! И, вообрази, даже дети у него... их четверо маленьких, кроме моей Вареты. Женился он, видишь, в Персии, взял персиянку: ну, известно, черная, нос такой крупный, брови, как лес, теперь толстовата голубушка, а хороша, должно быть, была!.. Всё говорит про Персию... Даже дети такие черные, толстенные, лоснятся, ну точно насосавшиеся пиявки; право! мне, по край ней мере, всегда так кажется. Странная игра природы! А впрочем, семейство прекрасное! Приняли они меня, братец, чудесно: старик послал шампанского. И моя Варенька чудо красоты, любит меня ужасно. Глаз с меня не спускала, да я скоро ушел: спать с дороги хотелось смертельно...; Да что! Она ли одна? Скажу тебе, братец, мне здесь тай повезло, так повезло, что не будь такое время... да жаль, не до жуировки! время не такое. А с другой стороны, ведь я в некотором смысле образ жизни готовлюсь переменить, с молодостью прощаюсь... думаю, думаю, и сам но знаю, как распорядиться. Ну, да утро вечера мудренее. Прощай, хочется спать..."

V

– – Мартын! нет ли у нас чего переукрасить? – спросил на другое утро Хлыщов, просыпаясь в самом приятнейшем расположении духа и потягиваясь.

– – А как же, сударь! сами еще изволили говорить: желтый фуляр весь фабрикой выпачкался...

– – Ба! ба! ба! – воскликнул Хлыщов. – В самом деле! Так ты приготовь его...

Он не колебался долее. желтый фуляр решил дело.

Часу в двенадцатом, одевшись по-вчерашнему, герой наш тем же путем отправился к невесте и скоро очутился перед домом с вывеской братьев Дирлинг и Ко. Белокурая головка была тут, совершенно в том же положении, как будто она всю ночь провела у окна.

обретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko
- - Я к вам иду,- сказал он самым нежным и вкрадчивым полупшепотом.

- - Пожалуйте,- отвечала она спокойно и приветливо.

Хлыщов поднялся по лестнице. Не успел он подойти к двери с маленькой вывеской "Дирлинг и К^о", как уже дверь отворилась. Хлыщов поспешил войти и заметил, что отворила ему сама хозяйка.

Он вошел в комнату довольно просторную, по стенам которой помещались высокие шкапы. Поперек тянулся прилавок, захватывавший крайнее окно, у которого, как сообразил Хлыщов, показывалась ему интересная красильщица. У другого окна стояла огромная вешалка, заваленная распоротыми платьями, салопами, сюртуками и другими принадлежностями мужской и женской одежды разных цветов и размеров; к каждой вещи приколот был булавкой ярлык с номером. Хлыщов был поражен таким разнообразным смешением одежд и думал, что если б собрать в одну кучу их владельцев, то вышло бы не менее разнообразное и занимательное смешение лиц. Два шкапа были полураскрыты: в них висели, также каждый с своим номером, разноцветные лоскутья сукна, ситцу, шелковых и шерстяных материй, намекавшие своей формой иногда довольно ясно, какого рода одеяния были распорты и подвергнуты перекраске и каких размеров были люди, носившие их в первоначальном виде.

- - Славно у вас красят,- сказал Хлыщов, рассматривая перекрашенные лоскутья,- только долго ли держится краска?

- - Как долго? - сказала хозяйка не совсем чистым русским языком, которому мы не будем подражать.- Всегда!

- - Уж будто? - возразил с приятной улыбкой Хлыщов.

- - Попробуйте! - отвечала хозяйка.- Что вам угодно?

- - Что? - сказал Хлыщов.- Вы изволите спрашивать, что мне угодно?

Молчание.

- - А вы не ждали, чтоб я к вам вошел? - продолжал он.- И если б я вошел так, без всякой причины, небось рассердились бы?

Молчание.

- - Вы довольны, что я зашел? или вам всё равно?

- - Всё равно,- отвечала немка.

При таком неожиданном ответе герой наш решительно подумал, что немка глупа.

- - Нет! как всё равно? - поправилась она с испугом, медленно одумываясь и видимо недовольная своей оплошностью.- Мне очень приятно!

- - А! - значительно произнес обрадованный Хлыщов.

- - Муж бранит, что нынче совсем мало работы,- дополнила немка,- вы, верно, пришли...

- - Муж? так у вас есть муж?

- - Да, муж!

- - А где он?

- - Там,- отвечала немка, указывая пальцем в пол.

- - Внизу?

- - Да.

- - А что он делает внизу?

- - Красит.
- - Так у вас там красильня?
- - Мастерская, - отвечала красильщица,
- - А там что? - спросил Хлыщов, указывая на дверь в соседнюю комнату.
- - Там... столовая.
- - А там, дальше столовой?
- - Спальня, - отвечала немка.
- - Н-да. Ну а там, после спальни?
- - Там кухня.
- - А после кухни?
- - Там ничего... там лестница вниз...
- - В красильню? - подхватил Хлыщов.

Ему нравились простодушные ответы и особенно замешательство красильщицы, при котором она раскрывала рот шире обыкновенного и устремляла к потолку синие большие глаза, чрезвычайно схожие с глазами самого Хлыщова, напоминавшими, как уже сказано выше, глаза большой рыбы, вытасченной на берег.

- - Так у вас мало работы? - спросил он.
- - Теперь мало.
- - И мул? сердится?
- - Очень.
- - Вот я вам принес работы и принесу еще...
- - Вам выкрасить или перекрасить? - с живостью перебила хозяйка.
- - Перекрасить... Не то чтобы перекрасить, - поправился Хлыщов, - я перекрашенных вещей до ношу, к счастью, не имею в том нужды, а если что вымарается, отдаю человеку... А тут особенное обстоятельство: вымарался в дороге мой любимый фуляр... мне его подарили - дорога память...

Довольный последней фразой, слетевшей с языка совершенно экспромтом, по как нельзя более кстати, Хлыщов достал фуляр и показал его хозяйке.

- - Можно, - сказала она. - В какую краску?
- - В какую хотите.

Я предоставляю вашему вкусу и вполне уверен...

Он грациозно принагнул голову.

- - Нет, уж лучше вы сами назначьте, - сказала хозяйка, - а то после...
- - Ха-ха-ха! Что вы думаете?.. Разве вам случалось?.. Нет, я вам скажу... я...
- - Нет, нет, нет! - возразила немка, неожиданно оживляясь. - Вот подавно тоже господин, как и вы, богатый, принес перекрасить... одну вещь... одну (она, очевидно, затруднялась в выражении)... принес и оставил перекрасить в дикую краску. Перекрасили, а он посмотрел и рассердился. Я, говорит, велел в дикую, а вы перекрасили в серую... Я серый цвет не люблю и никогда ношу. Рассердился так! Отдайте, говорит, мне... мою вещь такую, как была... А где нам взять ео, такую? Муж

новобретенная привилегированная краска братьев дирлинг и ко. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko так сердился, бранил... всё ты, говорит: по расспросила хорошенько!

– – Удивляюсь, – воскликнул Хлыщов с неподдельным негодованием, – удивляюсь, как находятся такие люди! Кажется, один пол должен бы обезоружить... Будьте спокойны, сударыня, если уж вы сами не хотите назначить, так пожалуй... Да вот чего лучше? О какой там краске у вас расписано? – заключил он, увидав пачку объявлений у конторки.

Хозяйка подала ему объявление. Хлыщов прочел:

БРАТЬЕВ ДИРЛИНГ И К О

НОВОИЗОБРЕТЕННАЯ ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ КРАСКА,

НЕ ЛИНЯЮЩАЯ НИ ОТ ВОДЫ, НИ ОТ СОЛНЦА

И НАВСЕГДА

СОХРАНЯЮЩАЯ СВОЙ

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ГУСТО-ЗЕЛЕНый ЦВЕТ

С БРОНЗОВЫМ ОТЛИВОМ

– – Уж будто никогда не линяет? – спросил он шутливо.

– – Никогда.

– – Знаю я, знаю ваши объявления! Написать всё можно – бумага терпит. А посмотришь: через недолго удивительная зеленая краска порыжеет, как вохра... Ха-ха-ха!

– – Ни-ни-ни... никогда! – воскликнула немка, начиная сердиться. – Ее теперь все хвалят; каждый день котел выходит. Попробуйте, так увидите!

– – Верю, верю, сударыня, – вежливо отвечал Хлыщов, – и, чтоб доказать вам, прошу выкрасить мой фуляр в вашу зеленую краску... оно хоть и не совсем идет к фуляру, но вы хвалите, и я...

Он опять грациозно принагнул голову.

Немка приняла фуляр и выдала ему номер. Принимая его, Хлыщов осторожно пожал маленький пальчик красильщицы. Она быстро отдернула руку.

– – А когда будет готов? – спросил он.

– – В пятницу.

– – А нельзя ли завтра?

– – Нет... очень скоро.

– – Хоть к вечеру?

– – Погодите... я спрошу мужа.

И она хотела идти. Хлыщов остановил ее.

– – Нет, зачем же? – сказал он. – Я лучше завтра наведаюсь, мне по дороге; если готов будет, так хорошо, а нет, так всё равно... Зайти?

– – Пожалуйста, – отвечала она.

– – Теперь прощайте. Не смет дольше утруждать вас моим, может быть, неприятным присутствием; будьте уверены, что, как бы вы ни распорядились с моим фуляром,

зобрененная привилегированная краска братьев дирлинг и ко. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1 хоть бы совсем испортили его... я... вежливость к прекрасному полу, по-моему, первый долг... Надеюсь, что вы будете смотреть на меня не как на докучного посетителя но делу, а как на доброго знакомого... так? - прибавил он тихо, устремляя на нее нежный взгляд, - так?

- - Так, - отвечала она неопределенно.

- - А в доказательство... позвольте пожать вашу ручку... Тут нет ничего, так делается.

И он взял ее руку и поцеловал.

- - Ай! зачем? - сказала она, быстро вырывая руку.

- - Ну, не сердитесь. Вы не сердитесь?

Красильщица молчала.

- - Прощайте, прощайте! не смею более утруждать вас...

Он расшаркался и вышел.

"Начало недурно!" - думал он, спускаясь с лестницы.

- - Прощайте! - сказал он, поравнявшись с окном, в котором уже опять появилась красильщица.

- - Прощайте! приносите же еще!

- - О, непременно!

И счастливый герой наш отправился к невесте.

- - Вот, - думал он, - есть пословица: за двумя зайцами погонишься - ни одного не поймаешь... Ну, не всегда!

VI

Дела Хлыщова во всех отношениях шли превосходно. Будущий тесть его, кроме пиявок, страстно любил еще делать всякого рода сюрпризы и через три дня после первого свидания совершенно неожиданно объявил Хлыщову, что дает за своею дочерью не полтораста тысяч, как пошутит сначала, а двести. "Вот шутник так шутник!" - подумал Хлыщов, радостно выслушав старика и заключая его в объятия. "Дай бог, чтоб он всегда так шутил", - и в голову Хлыщова серьезно забралась мысль, но пошутит ли старик через неделю еще тысяч хотя на двадцать пять. "Тогда, пожалуй, можно будет согласиться и пиявки поставить, отчего не потешить добряка", - думал он. Хлыщов каждый день обедал у Раструбиных, приходя часу в первом и просиживая до обеда с невестой своей и с молчаливой Поликсеной Ираклиевной (так называлась госпожа Раструбина). Его красноречивые, остроумные рассказы о фрецолини, о Бореи (Гризи и Марио тогда еще не было в Петербурге), о фанни Эльслер, которую он называл просто фанни, видимо интересовали молодую девушку. Варюша спала и видела тот вожделенный день, когда, сделавшись госпожою Хлыщовой и приехав в Петербург, она появится в опере. Надо заметить, что Хлыщов в Москве прикидывался страстным меломаном итальянской музыки и с пренебрежением отзывался о цыганах. Называя себя борсистом (он действительно принадлежал к тем, которые отдавали предпочтение Бореи перед фрецолини), яркими красками описывал он мнимые победы борсистов над фрецолинистами, к одержанию которых значительно сам содействовал (чему нетрудно было поверить, приняв в соображение массивные руки и вообще атлетическое его сложение). Все были от него в восторге, не исключая и дородной Поликсены Ираклиевны, которая вмешивалась в разговор единственно в таких случаях, где можно было вернуть словечко касательно того, как то или другое делается, растет, приготавливается или употребляется "у нас в Персии". Хлыщов, не лишенный юмористического взгляда на людей и людские деяния, скоро подметил слабую сторону доброй старушки и в приличных случаях скромно подмигивал старику Раструбину, который открыто смеялся над своею женою, называя ее не иначе как "у-нас-в-Персии". "А что "у-нас-в-Персии" так присмирела? - говорил он, попивая кофе. - Что ни говори, а "у-нас-в-Персии" прекрасная женщина. Какого плову сегодня подала нам; жаль только, изюму и коринки слишком много положила". "У нас в Персии всегда так кладут", - отзывалась Поликсена

обретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1
Ираклиевна, начинавшая уже дремать. "Ха! ха! ха! опять - у-нас-в-Персии!" Старик
добродушно смеялся. В таких разговорах и шутках, до которых старик был большой
охотник, не много заботясь, как все разжившиеся веселые старики, о их
достоинстве и пополняя недостаток качества количеством, - проходило незаметно
два-три часа после обеда.

Часу в осьмом Хлыщов обыкновенно уходил, обещая завернуть еще попозднее.

Куда шел он? - читатель догадывается.

- - А что, Мартын, нет ли у нас чего переокрасить? - почти каждый день,
отправляясь со двора, спрашивал он у своего человека.

И, спустя несколько дней, значительная часть его шейных платков, косынок,
шелковых рубашек (Хлыщов в дороге носил шелковые рубашки) и некоторых других
вещей была переокрашена. Принимая обратно вещи, которые переокрашивались
обыкновенно в темно-зеленый цвет, Мартын не мог надивиться странному направлению
вкуса своего барина.

"Что, нынче мода, что ли, на зеленый цвет?" - думал он и, как человек
начитанный, любивший обстоятельно обсуждать каждый предмет, погружался по
поводу прихоти Хлыщова в самые отвлеченные глубокие соображения, пользуясь
долгими часами одиночества. Не раз даже обращался он с разными вопросами по
поводу зеленой краски к своему единственному товарищу Прометею, с которым вообще
имел привычку разговаривать. Остановившись наконец на мысли, что, видно, такая
мода (а он любил следовать моде, и каждая новость в костюме барина так или иначе
отражалась в его собственном), он однажды на обычный вопрос барина: "Нет ли чего
переокрасить?" - запинаясь отвечал:

- - Нет-с, вашего уже ничего нет... а вот-с, если прикажете, моего...

- - Давай, давай! - сказал Хлыщов.

- - Куда прикажете-с?.. я отнесу.

- - Н сам возьму.

- - Много-с; куда вам!

- - Ничего, ты вон поди позови извозчика и положи ему... я уж сам отдам... да много?

- - Довольно-с... я в узелок связал...

- - А пальто, что я наперед подарил, положил?

- - Нет-с.

- - Что же?

- - Да будет и так. Много доволен.

- - Положи и пальто. Оно всё в пятнах, лучше и его переокрасить.

- - Точно, уж как же не лучше? Покорно благодарю-с.

Не слыша ног под собой, Мартын связал в узел почти всё свое платье и сдал
извозчику.

"Ну, будет моей немочке радость! - подумал Хлыщов, увидав у извозчика огромный
узел и садясь в дрожки.- Всё жалуется, бедненькая, что мало работы!"

Узел был сдан красильнице с приличной оговоркой, что платье принадлежит не ему,
Хлыщову, а его человеку, - Хлыщов же взялся сам передать только потому, чтоб
иметь предлог увидеть ее. И через несколько дней Мартын ходил весь зеленый с ног
до головы, словно попугай, и был очень доволен своим модным нарядом. Надо
заметить, что зеленый цвет с некоторого времени начал преобладать п в костюме
самого Хлыщова, который, желая угодить своей немочке, надевал иногда
переокрашенный жилет или шарф.

Как, однако ж, шли его дела? Принося вещи красильщице, он довольно долго оставался у нее, шутил, говорил любезности, и она терпеливо выносила его присутствие: скука ли летней поры, в которую редко приходили посетители, ветреность ли характера, или, наконец, действительная склонность к Хлыщову, как он думал, – только она не слишком сердилась даже тогда, когда Хлыщов целовал у ней ручку... Несколько раз приступал он уже и к решительному объяснению, не всегда так случалось, что в самую критическую минуту раздавался звонок и входил посетитель или являлась (оттуда, где, по словам красильщицы, была столовая) высокая, сухопарая фигура в полосатом халате.

– Каролина Францевна! – говорил главный подмастерье господ Дирлинг и Ко, мрачно оглядывая нашего героя. – Хозяин приказал попросить рубль двадцать копеек!

Хлыщов выжидал, но подмастерье принимался перебирать вновь принесенные в краску вещи, искоса оглядывая нашего героя, пока наконец Хлыщов не убедился, что его скоро не выживешь. Он уходил с твердым намерением в следующий раз тотчас же приступить к объяснению, не теряя времени в околичностях.

И невозможно было медлить. Шитье приданого Варюши кончено. Через два дня, именно 25 августа, назначена свадьба. В доме Раструбиных всё оживилось. Старик острит более обыкновенного, и по некоторым его таинственным намекам и отлучкам Хлыщов ясно видит, что он готовит новый сюрприз.

– Ну, "у-нас-в-Персии", – говорит Раструбин жене, – пошевеливайся! Пришла пора и тебе проснуться! А вот погоди, свадьбу сыграем, будет еще больше хлопот. Очень уж ты обсиделась... повоозишься еще и с мебелью, и с сундуками своими... да! деньги деньгами, а надо им тоже и кроме денег... а нам что, старикам, всё равно.

"Уж не дом ли хочет предоставить нам? Но купчую ли проворит?" – думает Хлыщов, и сердце его наполняется сладостнейшим ощущением. И с новым жаром смеется он шуткам старика, говорит в его тоне, придумывает ему каламбуры и клянется, что сроду не встречал такого остроумного человека, что шулки Степана Матвеича всегда так оригинальны, тонки, поразительны...

– И существенны... главное – существенны, – самодовольно прибавляет старик. – Ха-ха-ха!

– О да, папенька!.. – говорит тронутым голосом Хлыщов, вспомнив неожиданную подбавку пятидесяти тысяч, и, нагибаясь, целует руку будущего своего тестя.

(Не худо заметить, что Хлыщов с самого дня помолвки называл господина Раструбина папенькой и целовал его руку.)

Далее неподвижная Поликсена Ираклиевна оживилась. Целый день она в хлопотах: то примеряет приданое дочери, то показывает его многочисленным гостям, хлопочет, чтоб всё в доме было прибрано, вымыто, вычищено и приготовлено. Маленькие Раструбины, удачно прозванные Хлыщовым за свою толстоту и черноту насосавшимися пиявками, тоже в хлопотах. С утра до вечера прыгают и бегают они, радуясь, что старшая сестрица выходит замуж, что будет свадьба, будет музыка, будут танцы, будут конфеты...

Так как Хлыщов в глубине своего сердца более питал склонности к двумстам тысячам, чем к самой Варюше, то и неудивительно, что посреди свадебных приготовлений он не упускал и других преходящих, менее существенных, но успевших пробудить его интерес целей.

"Надо, надо проститься с молодостью!" – думал он, приближаясь утром 23 августа к красильному заведению господ Дирлинг и К[®].

И он вошел в приемную красильщика. Красильщица, как всегда, была одна. Пожав ей руку, – право, которым уже давно пользовался, – он спросил:

– Что, мой кашне готов?

– Нет еще.

– Отчего же? Ведь вы обещали сегодня?.. А, а! Попались! Уж теперь не

обретенная привилегированная краска братьев дирлинг и ко. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko
отделаетесь.

- - Муж сказал, что не успел просохнуть.

- - Ну, уж как хотите, я сказал, что, если не сдержите слова, я вас поцелую, и уж теперь прошу не гневаться..

И он хотел исполнить свое намерение, но она увернулась. Успев ухватить ее руку, он с жаром целовал ее.

- - А когда же будет готов?

- - Вечером.

- - Рано ли?

- - В семь часов.

- - Мне нельзя: я так рано не могу быть.

- - Ну так в восемь.

- - И то нельзя. Можно в девять?

- - Можно, приходите.

- - Ну а если я приду в десять? - понизив голос, сказал он.- Мне давно хотелось с вами поговорить,- прибавил он еще тише.

- - Приходите,- отвечала она тем же равнодушным голосом.

- - И вы будете одни?

- - Да.

- - А муж?

- - Он там,- указывая в пол, отвечала красильщица.

- - А, там! - успокоенным тоном повторил Хлыщов.- Так можно?

- - Непременно будет готов,- отвечала она.

В то же время в соседней комнате слышались шаги. Явился полосатый подмастерье с своей мрачной физиономией.

- - Хозяин просит номер семьдесят девятый,- сердито проговорил он.

- - Прощайте,- переменяя тон, сказал Хлыщов.- Я зайду за моею вещью или пришлю к назначенному вами времени.

Последние слова произнес он с особенным ударенном в вышел.

Отыскав вещь под номером семьдесят девятым, красильщица молча подала ее мрачному подмастерью.

- - Хоть бы ручку позволили поцеловать,- плачущим голосом проговорил он, потупляя глаза.

- - Ни-ни! взял, что надо, и ступай, марш!

Но подмастерье не трогался с места.

- - Больше ничего от вас не будет? - наконец спросил он уныло.

- - Ничего не будет,- тем же строгим и резким тоном отвечала она.

- - Небось другим позволяете...

- - Что?.. иди... а то скажу... иди!..
- - Каролина Францевна!.. я всё вижу... чем я такой несчастный...
- - Иди, иди! - гневно перебила красильщица, топнув ложной и покраснев.
- - Так вы так-то, Каролина Францевна!
- - Идешь,- нетерпеливо повторила красильщица.- Я не хочу слышать... я позову... И она пошла к двери.
- - Уйду, уйду!.. сам уйду!..- злобно воскликнул подмастерье.- Вижу, что нечего больше ждать, нечего! Вот вы теперь меня не жалеете, а я вас жалел, долго жалел...
- - Идешь! - прокричала опять немка.
- - Ну уж теперь всё кончено, не пеняйте! сами не хотели выслушать... Увидите... я всё знаю...

Злоба душила его, и он ушел, произнося несвязные угрозы...

VII

"Пообедав и просидев у Раструбиных до десяти часов, Хлыщов пробирался в знакомую улицу.

"Сегодня прошусь с молодостью, завтра пообделаю делишки, приготовлюсь, а там и за солидную жизнь!" - думал он, довольный и судьбою, и проведенным днем, и предстоящим свиданием.

Было уже темно. Однако ж, подходя к заведению господ Дирлинг и К®, он тотчас узнал силуэт русой головки, рисовавшийся в крайнем окне.

"Она ждет!" - подумал он, и сердце его забилось.

- - Можно? - спросил он тихо, поравнявшись с окном.
- - Можно,- громко отвечала ему красильщица.
- - У вас никого нет? - спросил он тихо.
- - Никого,- отвечала она громко.
- - Я войду.
- - Пожалуйте, пожалуйста. Я нарочно ждала, готово!

Он вошел.

- - А ваш муж не скоро придет? - был первый вопрос его.
- - Нет, он всегда там до двенадцати часов.

Хлыщов посмотрел на часы, было половина одиннадцатого. "Медлить нечего",- подумал он.

- - Вот,- сказала хозяйка, показывая ему кашне, который лоснился как новый, благодаря превосходным качествам зеленой краски господ Дирлинг и Ко.
- - Что кашне! - сказал Хлыщов.- Бросьте его. Когда я носил к вам всю эту дрянь, вы понимаете, что не привилегированная нелиняющая краска ваша влекла меня сюда, а ваши чудесные глазки... Уж как хотите, а вы сегодня должны поцеловать меня,- заключил он, приближаясь к ней.
- - Ах, как можно!.. что вы? муж есть... Идите! уж поздно.
- - Нет, уж полноте... ну к чему?

обретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1 и он хотел поцеловать ее. Она вырвалась и побежала в другую комнату. Там он догнал ее, она опять вырвалась и побежала в третью комнату, он туда...

Но здесь мы должны остановиться, чтоб выразить глубокое сожаление, пробуждаемое в нас неслыханным бедствием, которое постигло нашего героя. Бедствие, так неожиданно разразившееся над его головою, как по своей страшной оригинальности, так и по своим ужасным последствиям, заслуживает самого строгого описания.

Едва герой наш успел пасть на колени перед своей красавицей и начать то красноречивое признание, которое уже давно доставляло ему постоянную умственную работу, – как вдруг откуда ни возьмись (вернее всего, из кухни, смежной с красильной) появились два человека, два гиганта – оба они были чрезвычайно высокого роста, – и стремительно кинулись к нему...

Зажав ему рот, они схватили его и повлекли в кухню; оттуда по темной и узкой лестнице спустились они с ним в большую тускло освещенную комнату, которая была так низка, что герой наш, поставленный на ноги, сначала стукнулся, а потом при каждом движении вырваться подметал потолок головой своей, словно щеткой, – несчастное употребление, к которому роскошные его волосы не были никогда предназначены! Гиганты же стояли в ней нагнувшись. В комнате невыносимо пахло сыростью, краской и дымившейся светильней ночника, готового погаснуть. При тусклом свете последних лучей его герой наш успел несколько рассмотреть лица своих врагов: одно принадлежало известному уже подмастерью и было так же мрачно, как всегда, с примесью злобной и неумолимой радости. Другое, прикрытое тенью остроконечного колпака, украшавшего голову гиганта, ускользало от наблюдений; только большие серые глаза горели мрачным огнем, не предвещавшим ничего доброго. Герой наш смутно сообразил, что оно, вероятно, принадлежало одному из господ Дирлинг и К[®]. В комнате не было никакой мебели; по стенам висели спорки разных одежд, мотки крашеных ниток; посередине стояло множество чанов и котлов, обрызганных краской, с торчащими из них рукоятками кистей. К одному из таких котлов гиганты подтащили нашего героя.

"Что они со мной хотят делать?" – тоскливо подумал он, лишенный способности говорить: рот его постоянно был зажат широкой ладонью подмастерья.

– – Сюда его! – проговорил мрачно подмастерье, усиливаясь приподнять Хлыщова, с явным намерением бросить несчастного в котел.

Страшное, варварское намерение! Когда Хлыщов услышал это, кровь хлынула ему в голову; собрав силы, он рванулся, страшно ударился головой в потолок – и чуть не вырвался.

– – Держи его! – воскликнул тот из гигантов, в котором герой наш не без основания подозревал одного из представителей фирмы господ Дирлинг и К[®]. – Держи крепче руки!

Подмастерье впился в Хлыщова своими ручищами, а господин Дирлинг, зажимая Хлыщову одной рукой рот, другою взялся за кисть, торчавшую из котла, и стал пачкать ею лицо нашего героя. Хлыщов снова рванулся, освободил свои руки и поспешил закрыть ими лицо. Но не успел господин Дирлинг мазнуть по ним двух-трех раз, как подмастерье снова принял их в свое распоряжение. Кисть снова коснулась лица несчастного...

Когда операция была кончена, гиганты подвели Хлыщова к двери и довольно неучтиво вытолкнули его вон. Герой наш очутился на свободе и вздохнул во всю ширину груди. В то же время к ногам его вылетели шляпа и кашне – несчастный кашне, послуживший поводом к такому ужасному происшествию!

"Ну, поделом! поделом! – была первая мысль Хлыщова, когда он несколько одумался. – Нужно было соваться самому в беду и в такое время!" Вторую его мыслью было, что он так не оставит дела, что господина Дирлинг и Ко дешево с ним не разделаются, что он даст им себя знать...

Опрямев побегал он домой, горя нетерпением смыть отвратительную жидкость, уже начинавшую щипать его лицо, – и благодарил бога, что кругом темнота, народу нет вовсе и встретить знакомого не предстоит никакой вероятности.

Когда он подошел к своей двери и постучался, одна мысль смутила его. "Что

обретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов nekрасovnikoT подумает Мартын? пожалуй, еще смеяться станет..." И в голове его составил план...

Но дверь не отворялась. В нетерпении он стал стучать сильнее. Тогда наконец внутри комнаты послышалось шарканье спички.

- - Не надо огня! - кричал Хлыщов.- Отпирай так! Но прошло минуты две, дверь не отворялась.

- - Ну же!

Шорох продолжался, но дверь всё не отпиралась; казалось, как будто Мартын ощупью старался попасть к двери, но не успевал в своих усилиях; тогда Хлыщов начал подавать ему голос.

- - Сюда! сюда! - кричал он.- Ну, сюда!

Но и после таких мер Мартын нес скоро нашел и отпер дверь. Явление чисто физиологическое, требующее объяснения.

VIII

Когда колеса машины в полном ходу, рассказ кипит и читатель нетерпеливо желает знать, чем кончится дело, или, вернее, пустяки, которыми потчует его автор,- полезно прерывать действие и уклоняться в сторону. Следовательно, теперь или уж никогда должны мы посвятить несколько строк Мартыну.

Известно, что ничего нет скучнее жизни человека, состоящего в услужении у одинокого холостяка. Барин целый день рыскает бог знает где или скрипит в своем кабинете с утра до вечера пером по бумаге, а человек сиди! Сиди один, без компании, без дела, без всякого развлечения. Мы разумеем человека благонаравного, каким был Мартын. Постоянное одиночество сделало его решительным эксцентриком; многие вещи отражались в его голове совсем иначе, чем обыкновенно у людей; мрачность, меланхолия, склонность к размышлению, дух пытливости и анализа преобладали в его характере. Отсюда тон его речи был дидактический, как у многих мыслящих людей. По целым дням иногда обсуживал он, почему зимой не бывает грому, а летом иногда грянет так, что окна дрожат; почему птицы летают, а люди не летают; и на все таковые и подобные им вопросы понемногу составились у него ответы.

Он говор древесных листов понимал

И чувствовал трав прозябанье.

Разумеется, по-своему. Но как человеческая голова не всегда способна к самостоятельной работе, то Мартын иногда прибегал к чтению, заимствуя книги у барина. Чтение дало прочное основание его собственным выводам и обогатило его разговорный, а особенно письменный язык. Но как книг у Хлыщова было немного: всего одна книжка в месяц, как выражался Мартын (герой наш подписывался на "Библиотеку для чтения"), то остальную часть времени нужно было наполнять иначе. Мартын наполнял ее сном. Так как ему приходилось иногда проводить во сне по двадцать три часа в сутки (часов пятнадцать в ожидании барина да часов восемь при барине, который часто уходил с утра, а возвращался ночью), то и понятно, что он скоро в совершенстве овладел искусством спать. Сначала он спал сидя или стоя, с поникшей головой, которая покачивалась, как маятник, потом спал, положив голову на стол, потом не раздеваясь ложился в свою постель и, наконец, когда приходил барин, спал в той же постели, раздевшись. Впоследствии четырех способов сна показалось ему мало, и он присоединил к ним пятый, весьма оригинальный. Раз Хлыщов, воротившись домой, к удивлению своему, застал дверь своей квартиры незапертого; он вошел - в прихожей никого; пошел дальше - и в гостиной, где стояло большое вольтеровское кресло с полочками по бокам, увидел следующее: полочки были подняты и на каждой из них стояло по горшку цветов, а в креслах, обняв руками горшки, спал его верный Мартын!

Постепенно Мартын усовершенствовал способность свою до того, что мог исполнять свои обязанности не просыпаясь, но только не всегда с должной точностью. Так однажды, в другой раз, воротившись поздно домой, Хлыщов увидел, что бумаги и книги с письменного стола преаккуратно были уложены на постель его, а на

новобретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов некрасovnikoT
письменном столе положены были простыня, подушка и одеяло – обстоятельство, чрезвычайно удивившее и рассердившее Хлыщова. Понемногу Мартын стал засыпаться до того, что терял всякое сознание о месте, о времени, о вещах. Так однажды, желая достать огня, он целый час шаркал об печку железным гвоздем вместо спички, пока наконец рассерженный Хлыщов не выбежал и не образумил его. Теперь понятно, почему Хлыщов, желая попасть в свою квартиру, в некоторых случаях должен был подавать Мартыну голос, – и рассказ может продолжаться.

– – Сюда, сюда! – кричал Хлыщов, нетерпеливо стуча. – Видно, опять спячка нашла!

...Когда дверь отворилась, первым делом Хлыщова было задуть страшно нагоревшую и оплывшую свечу, бывшую в руках Мартына. Верная собака, узнав голос своего хозяина, с лаской кинулась ему встречу, но он гневно оттолкнул ее – в первый раз в жизни – и быстро пробежал в самую крайнюю из трех своих комнат.

– – Мартын! подай мне огня и воды! воды умываться! – кричал Хлыщов, затворяя дверь. – Не лезь сюда! – прибавил он, когда Мартын подошел к двери с зажженной свечой. – Подавай!

Он приотворил дверь, просунул руку (покрытую перчаткой) и, отвернувшись, принял свечку. Когда таким же образом был ему передан кувшин с водой, он запер дверь на ключ, взял свечку и подошел к небольшому зеркалу, висевшему в простенке. Большое зеркало находилось в соседней комнате, но он не смел туда показаться.

Удовлетворив естественному желанию увидеть, как и чем выпачкали его мрачные гиганты, герой наш горько и язвительно усмехнулся.

То была знаменитая новоизобретенная темно-зеленая краска, которую так славилось красильное заведение господ Дирлинг и Ко! та самая краска, с которой у Хлыщова связано было столько блестящих и нежных надежд, та самая, превосходными качествами которой и теперь представлял полную возможность любоваться перекрашенный шарф, облекавший шею нашего героя!

Сдернув с шеи и отбросив с негодованием темно-зеленый шарф, в одну минуту ставший ему ненавистным, Хлыщов еще раз посмотрелся.

– – Фу, как неблагоприятно! – невольно проговорил он и стал поспешно мыть руки, которые были так же зелены, как и шарф, как и фуляр, как и пальто Мартына, как и все почти их вещи, как и самое лицо Хлыщова...

Но краска не сходит с рук. Хлыщов попробовал мыть лицо – не сходит и с лица! С новым жаром принимается он мыть лицо и руки, требует еще воды, пробует то одно, то другое мыло, превосходные качества которых ему хорошо известны, – смотрится в зеркало...

– – Нет, краска не сошла!

Он снова моет, снова трет лицо мылом так, что больно и рукам и лицу, пробует тереть духами, одеколоном, даже черным зубным порошком... смотрится в зеркало...

Лицо всё так же зелено, – зелено, как всё остальное, к чему прикасалось превосходное изобретение господ Дирлинг и Ко! Только мыло придало ему глянцеvitость, лоск, которого не имели в такой степени ни шарф, ни фуляр, ни пальто, ни другие вещи, подвергшиеся переокраске!

Он вспомнил зеленые бронзовые головы, привлекавшие некогда толпу зрителей, а в том числе и его, к фокуснику Родольфу и говорившие, по требованию посетителей, сиплым, таинственным шепотом, – вспомнил и снова горько-горько усмехнулся.

В самом деле, сходство его собственной головы с вышереченными (которые назывались, кажется, мнемоническими) было изумительно. Только белизна ушей и местами полоски настоящей кожи, пощажённые гибельноу кистью, нарушали гармонию целого, которому ничего подобного не видано ещё было в природе!

Долго ещё пытался Хлыщов смыть ненавистную краску, но превосходное изобретение господ Дирлинг и Ко так; плотно впилося в его кожу, что и признаков успеха не было!

обретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko
– – Мартын! мне ничего не нужно. Можешь ложиться спать, а сюда не ходи! – крикнул он наконец и лег, в совершенном изнеможении.

Как провел он ночь, какие опасения, какие упреки совести мучили его в течение долгих бессонных часов, как, чистил он самого себя – не будем описывать. В то же время, когда он возился с водой и с мылом, пытливый Мартын находился в свою очередь в страшной тревоге. Надо заметить, что только третьего дня у соседа их, приезжего купца, случилась покража – обстоятельство, задавшее в свое время воображению Мартына немалую работу. С того дня мысль о возможности подобного несчастья не покидала его. И вот теперь вдруг приходит барин не барин, – требует огня, запирается в комнате, не пускает его к себе, не показывается, толкает собаку... Уж нет ли тут чего? Уж барин ли, полно, там? Конечно, голос его, но голоса бывают всякие... Что, если злодей какой? если вор? Выспавший в течение дня и вечера напропалую, Мартын не мог заснуть, перевертывая в уме страшную мысль. Усиливаясь решить трудный вопрос, он обращался с ним, по своему обыкновению, даже к Прометею; но и тот, оскорбленный неучтивым поступком своего господина, был угрюмее обыкновенного и хранил величавую неподвижность. Несколько раз Мартын уже покушался пойти посмотреть, но решительное приказание барина останавливало его... Положение его было ужасно! В промежутках легкого сна ему уже чудилось, что их обокрали, утащили всё господское платье, утащили и его превосходную зеленую пару, которая была совсем как новая и которою рассчитывал он сильно блеснуть в Петербурге. Последнее обстоятельство его страшно озабочивало, и он только тогда успокоился, когда пересмотрел, пересчитал и перепрятал свои зеленые пожитки. Посреди самых мучительных и жарких опасений послышался ему громкий голос Хлыщова:

– – Мартын! поди найми мне карету!

Он открыл глаза. Был уже день.

"Нет, его, точно его голос!" – подумал он и, прокричав: – Сейчас! – пошел тихонько в комнаты.

– – Не ходи сюда, не ходи! – закричал Хлыщов. – Ступай скорей за каретой!

– – Куда прикажете нанимать?

– – В баню ряди,

– – Извольте запереть дверь, – проговорил Мартын, твердо уверенный, что теперь наконец уже Хлыщов выйдет и покажется.

– – Хорошо, я запру! ты ступай и скажи, как пойдешь!

– – Иду-с! – прокричал, одевшись, Мартын и приостановился.

Хлыщов подождал минуту,

– – Ушел? – спросил он, подходя к своей двери.

– – Иду! – отвечал, испугавшись, Мартын и поспешно вышел.

Вышел наконец и Хлыщов. Утро было ясное, солнце светило прямо в окна, и зеленое лицо нашего героя лоснилось и блестело под его лучами, как листья исполинского дерева.

Когда он отворил дверь в прихожую, торопясь поскорей запереться, чтоб кто не вошел, – собака радостно кинулась к нему; но вдруг она отскочила, окинула его свирепым взглядом, заурчала и наконец принялась лаять самым громким отрывистым басом, зверски оскаливая свои большие белые клыки.

Невыносимое уныние овладело нашим героем.

– – Прометей, Прометей! Прометеюшка! – говорил Хлыщов самым ласковым голосом. – Перестань... Разве ты меня не узнал?

– – Гам, гам, гам! – прыгая и ошетинаясь, отвечала собака, и лай ее был такого свойства, что герою нашему ясно слышалось в нем:

- - Не узнал, не узнал, не узнал, - да и знать не хочу!

"Даже и она не узнаёт", - тоскливо подумал несчастный.

Собака продолжала лаять, и попытки его усмирить ее оставались напрасными. Бешенство наконец овладело им. Он прибил глупое животное, подошел к двери, повернул ключ и скорым шагом ушел в кабинет, предупреждая движение собаки, которая с громким лаем покушалась прорваться за ним.

Долго еще лаяла собака, пока Хлыщов рассматривал свое лицо в большое зеркало. Ничего нового не увидел он: оно было зелено, зелено так же, как вчера, еще, может быть, зеленее, и солнечные лучи, сообщавшие ему неприятный лоск, страшно бесили нашего несчастного героя...

Послышался стук в дверь... Хлыщов переменялся в лице... Нет, подобного события, слишком желанного, не могло быть... Хлыщов просто испугался. Тут только увидел он, что сделал глупость, не приказав самому человеку запереть дверь и взять ключ.

"Вот теперь увидит!.. - подумал он с ужасом. - Развесив уши, станет тоже смеяться, пожалуй... разболтает... да еще если не он, а кто-нибудь другой?.."

И дрожь пробежала по его телу. Он не сообразил, что было еще слишком рано, чтоб мог прийти посторонний.

- - Мартын, ты? - спросил он нетвердым голосом.

- - Я-с, извольте отпереть.

"Ну, всё равно, надо же будет..." - подумал Хлыщов и отправился в прихожую.

Собака опять залаяла. Хлыщов опять толкнул ее. Когда он отпер дверь и Мартын (одетый весь в зеленое) увидел его, трудно сказать, какое чувство сильное овладело Мартыном: испуг ли, радость, недоумение? Верней, что все они охватили его в равной степени и выразились наконец к самому глупому, неопределенному хохоту, как основательно и предвидел Хлыщов, знавший хорошо натуру своего камердинера.

- - Ну, чего смеешься! - сердито сказал Хлыщов. - Разве не случилось видеть? Ну, шел мимо... плеснули... вдруг... нечаянно... прямо в лицо... плеснули... Вот! - заключил он, возвышая голос. - Ты смотри, не болтай; если я узнаю, что ты хоть пикнешь...

- - Как можно! - перебил Мартын. - Да вы бы, сударь, вымылись.

- - Ну вот и еду мыться. Смотри же, ни слова. Если кто придет, говори: дома нет. А если Степан Матвеич, скажи, не извольте, дескать, беспокоиться: сами обещали быть.

- - Слушаю-с.

Одевшись и спрятав всё лицо шинелью и шапкой, Хлыщов сел в карету и отправился в баню.

IX

Описывать ли подробно дальнейшие попытки Хлыщова, увы! так же неудачные, как и первая! Взяв особую комнату, он, разумеется, употреблял все усилия возвратит своему лицу настоящий цвет: мыл его и кипятком и холодной водой, тер и простым и греческим мылом, даже пробовал парить веником, раскалив каменку так, что в номере его трудно было дышать. Видя бесполезность своих усилий, он наконец решился прибегнуть к банщику, надеясь, что постоянные упражнения внушат ему какие-нибудь новые и лучшие средства. И здесь первым делом нового лица, увидевшего зеленого человека, было, разумеется, расхохотаться глупейшим образом, к крайнему неудовольствию Хлыщова; потом пошли глупые и докучные расспросы. Потом бледный и даже (к удовольствию Хлыщова) зеленоватый малый рассказал ему несколько глупых чисто банных анекдотов о том, как у них отмывали раз двух черномазых, должно быть, арапов, а другой раз африканца, и в заключение объявил, что смыть краску совершенно пустое, минутное дело. Обрадованный Хлыщов предался ему с полным доверием. Малый принес разной смеси, тер, мавал, пачкал, даже скоблил ножом его лицо и наконец, исцарапав, объявил, что ничего сделать не

обретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko может, что цвет Хлыщова, должно быть, природный, как у тех арапов, которыми их в прошлом году надули, поручивши отмыть.

– А вот, – прибавил он, – есть у нас... ходит часто сюда один персиянин, он всё разными составами торгует, усы ли, бороду, волосы окрасить, – вот он так выведет непременно!

Несчастный хватается и за соломинку. Хлыщов велел привести и персиянина; тот тоже долго возился с его лицом, много пачкал, много тер, а кончилось все-таки тем, что с Хлыщова взяли препорядочный куш совершенно даром: он возвратился домой таким же зеленым человеком, каким поехал!

Тогда овладело им совершенное отчаяние. Уткнув зеленое лицо в подушку, лежал он как мертвый, не шевелясь и не издавая звука. Что ему было делать? Безобразие угрожало остаться надолго. Блестящая партия гибнет. Послезавтра – свадьба, а он... с какими глазами, с каким лицом покажется он к своей новеете? Нет, нет, она не увидит его таким... и никто не увидит!

И несчастный снова подтверждает Мартыну приказание никого не принимать.

"Ведь бывают же такие оказии! – думает он. – И надо же, чтоб попалась именно такая проклятая краска! Сколько раз случалось, – купишь вещь – в день, в два полиняет... а тут как нарочно: честность одолела!"

Он вспомнил красноречивое объявление господ Дирлинг и Ко, вспомнил зловещие слова красильщицы, наивно предлагавшей ему "попробовать" зеленую краску, и новый ужас охватил его, новые проклятия закипели в груди.

"Неужели она точно никогда не линяет?" – мучительно думал он, припоминая слова рокового объявления.

Весь день Мартын ходил около него на цыпочках; предлагал покушать, докладывал, что присылали от Раструбиных, докладывал, что приходил сам Степан Матвейч, – Хлыщов не сказал ни слова! Жаль его было Мартыну: в мудрой голове своей переворачивал он разные способы, как поправить дело, даже был у него один способ верный, самый верный, но только он не смел сообщить его Хлыщову. Наконец сожаление взяло верх над страхом. Поставив, по приказанию барина, перед его кроватью стакан воды, он долго переминался с ноги на ногу и наконец сказал:

– Ах, сударь, как посмотрю я на вас... Вот вы изволите лежать, а проклятая всё больше и больше впивается в кожу... после ее ничем не выскребешь...

– Ну, не твое дело! – сердито пробормотал Хлыщов.

– Сам знаю, что не мое, – отвечал Мартын. – Да ведь как подумаю, так просто плакать хочется. Вы попробуйте...

– Да уж пробовал, всё пробовал, – перебил Хлыщов, тронутый участием камердинера и чувствуя наконец потребность вылить перед кем-нибудь свое горе, так долго сдерживаемое. – Уж каких средств не употреблял: нет толку, только еще хуже...

– А вот я так знаю средство, – сказал Мартын.

– Как, ты знаешь средство? – воскликнул с живостью Хлыщов и вскочил, причем Мартын вторично увидел его зеленое исцарапанное лицо. – И чего ты нарядился весь в зеленое! – прибавил сердито Хлыщов, осматривая его с отвращением. – Разве не можешь другого платья надеть?

"Сам одел, а теперь сердится!" – подумал Мартын, пожимая плечами.

– Да не могу-с: кроме старого сертука, всё перекрасили...

– Ну, ну, пошел рассказывать, – перебил Хлыщов, – заговорил про средство, так про средство и говори; какое же средство?

– Вот видите, сударь... только вы не извольте сердиться... давеча в лавочке... так зашел разговор...

– – Как? ты уж разболтал в лавочке?

– – Как можно! я – ни-ни! А была тут старуха одна, старая-престарая. Вот про нее все говорят, что она все недуги, и заговоры, и порчу какую угодно выводит. Так и зовут ее – знахаркой.

Порасспросив еще, Хлыщов дал Мартыну позволение привести знахарку. Обрадованный Мартын духом доставил ее.

– – С нами крестная сила! – проговорила протяжно костлявая беззубая старуха, увидав лицо Хлыщова, – сроду такого наваждения не привидывала. Испортили голубчика, сейчас вижу, злые люди испортили...

– – Выведешь?

– – Выведу, батюшка, выведу. Отчего не вывести? Только ты вот вели чашечку масла деревянного, да ложечку меду, да четверть фунта ладану росного...

Накупили разных снадобий, по требованию старухи, и она приступила к делу. Но роковая краска, к чести превосходного заведения господ Дирлинг и К®, устояла даже против усилей знахарки!

После долгих пачканий, нашептываний и заговоров старуха наконец покачала задумчиво головой и сказала:

– – Ни-ни, ничто не берет! Видно, уж подождать придется голубчику моему. Оно сойдет, само собой сойдет... Ты вот только потерпи: уж и недолго... дело к зиме... ох, к зиме идет! Знаешь, как первый снежок выпадет, ты первым-то снежком возьми да и умойся: оно сейчас как рукой снимет!

Измученный и взбешенный Хлыщов приказал выгнать глупую старуху, разбринил Мартына и снова упал в подушки своим несчастным зеленым лицом, вытерпевшим в короткое время столько страшных пыток.

Опять тихо и медленно потянулось время. Хлыщов молчал, даже не шевелился, испуская только по временам глубокие вздохи. Он всё думал, что ему делать, как ему быть, и наконец решил, что всего лучше написать письмо к Раструбину и просить отсрочки. Но под каким предлогом? Содержание письма составляло предмет постоянных размышлений его в течение целой ночи. К утру оно было написано и сдано Мартыну с приказанием тотчас отнести. Затем Хлыщов заснул и проспал до двенадцати часов.

– – Мартын! принеси мне чего-нибудь есть! – были первые слова его при пробуждении.

Он страшно проголодался.

– – Чего прикажете?

– – Бифштексу. А дверь запри и ключ возьми с собой.

Тотчас, как ушел Мартын, в дверь стали сильно стучаться. Хлыщов притаился и лежал ни жив ни мертв; стук продолжался всё громче и настойчивее. Предчувствие не обмануло его: в двери ломился Раструбил.

"Ну, быть беде!" – подумал Хлыщов.

И действительно, Раструбил поймал Мартына у двери, уличил, по бифштексу, что барин дома, и ворвался в прихожую.

– – Леонард Лукич! Леонард Лукич! – кричал старик, входя в комнату, где находился Хлыщов. – Скажите, что с вами сделалось? Шутите вы?

Хлыщов лежал, спрятав голову в подушку, и молчал,

– – Или недовольны вы чем? – продолжал старик, усаживаясь подле него. – Скажите откровенно... вы нас перепугали!

изобретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko
Хлыщов молчал.

- - Ну так - недоволен! Да чем же, ради бога, чем?
- - Ох нет,- глухо простонал Хлыщов,- как можно! Я столько обязан.
- - Так что же? Отчего вы вдруг не хотите жениться?
- - Не могу... покуда не могу.
- - Да почему же?
- - Отложите, Степан Матвееч, отложите только. Я болен.
- - Болен? Ну уж нет, плохо верится: а бифштекс?.. Ха-ха-ха! Полно шутить, почтеннейший!
- - Я не шучу...
- - Ну а если нездоровится - так что ж - пивочек! Да что с вами? Что вы лежите и лица не кажете?

Хлыщов молчал.

- - Послушайте,- сказал старик, начиная терять терпение,- так не шутят... вы присватались к благородной девушке... дочери благородных родителей, получили согласие, назначена свадьба, родные повешены... и вдруг вы... внаете ли, что так благородные люди не делают, что так шутить честью девицы нельзя, что у ней есть защитники...

Старик горячился, Хлыщов молчал, не оборачиваясь и даже не шевелясь и только испуская по временам глубокие вздохи.

- - Что теперь будут говорить в городе? Ведь уж все знают, что вы жених, завтра назначена свадьба. Что ж вы молчите... Нет, молчаньем не отделаетесь!
- - Не могу,- простонал Хлыщов.

Долго еще горячился старик, упрекал, грозил. Наконец слезы прошибли его; он переменял тон, стал просить, заклинать именем своих седин, честью дочери...

- - И какая причина могла вас понудить переменить намерение? - со слезами говорил он.- Приданого, что ли, мало кажется? Ведь я только шутил, я шутил, Леонард Лукич: ведь дам ей не двести ассигнациями, а шестьдесят пять тысяч серебром. И, кроме того, ей же и дом в Мясницкой... я вам готовил сюрприз...

Хлыщов испустил глубокий, раздирающий стон.

- - Что ж, женитесь?
- - Не могу.
- - Не могу! не могу! Да почему же не можете? Подумайте, что с ней будет... Я колени перед вами готов преклонить.

Старик рыдал и несвязными, прерывистыми словами продолжал умолять. Хлыщов не мог выносить долее.

- - Да как же я могу, посудите сами, жениться на вашей дочери? - воскликнул он вдруг, вскочив совершенно неожиданно и показывая ему свое зеленое, лоснящееся, исцарапанное лицо.

Старик остолбенел. Превосходное изобретение господ Дирлинг и Ко, при всех своих несомненных достоинствах, конечно, никогда не производило такого страшного, убийственного эффекта, как в настоящую минуту!

Когда Хлыщов описал старику свое несчастье, сказав, разумеется, что попался совершенно невинно и нечаянно, вместо ускользнувшего приятеля, которому - что

изобретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1
делать, оплошность! – помогал в интрижке с красильщицей, старик кинулся обнимать
его.

– – Так только-то? – воскликнул он радостно. – Так вы на нас не сердитесь? и
приданым довольны?

– – Я никогда не смел и мечтать о другом счастье, как соединиться узами родства
с таким достойным, благородным семейством.

– – Ну так и горевать нечего, – заключил старик, – краску смыть, и конец!

– – Я уж пробовал, – мрачно сказал Хлыщов и рассказал ему свои бесполезные
попытки.

– – Ничего, другое средство найдем! Вы говорите, краска новая, недавно
изобретенная?

– – Да.

– – Ну так они должны знать и противодействие!

– – В самом деле! – радостно воскликнул Хлыщов. – Я и не подумал!

– – Мы их заставим. Я, слава богу, не первый год в Москве живу, имею связи. Мы
заставим их, – заставим, да еще и проучим! не следует так оставлять.

– – Зачем прибегать к таким мерам, – заметил Хлыщов, опасаясь, чтоб проделки его
не вышли наружу, – дело пойдет в огласку, – все-таки нехорошо, а лучше их
припугнуть...

– – И то правда, – сказал старик, – оно все-таки нехорошо, когда разнесется.
Нечего терять времени! Ждите, а я сейчас приведу красильщика. Дирлинг, вы
говорили?

– – Дирлинг.

– – Да и пиявочек захвачу. Все-таки не худо. Они оттянут.

– – Ну уж пиявки вряд ли помогут.

– – Так, так! Вечно против пиявок! Ну, до свидания. Старик ушел, а повеселевший
Хлыщов позвал собаку

и старался ее приучить к новому цвету своего лица. В полчаса удалось ему, с
помощью остатков бифштекса и хлеба, дойти до того, что она уже не лаяла, а
только урчала и скалилась, нечаянно взглядывая в лицо зеленого своего господина...

Х

Представитель знаменитой фирмы Дирлинг и К®, находившийся налицо в Москве и
носивший к фамилии своей прибавление: младший, – был сухой, высокий, угрюмый
немец, много красивший ежедневно разных вещей, а носивший постоянно одну и ту же
серую куртку с кожаным передником – в будни, и серый длинный сюртук – но
праздникам. Отличительной чертой его характера была мрачная, сосредоточенная
молчаливость, легко объясняемая удушливым воздухом мастерской, который
достаточно было вдыхать в легкие и одним носом. Еще отличался он необыкновенной
пунктуальностью во всех действиях. С лишком уже двадцать пять лет пил он водку
ровно в девять часов, курил трубку в десять, в три и в одиннадцать, спать
ложился в двенадцать. И ни разу еще не случалось, чтоб вошел он в свою
мастерскую позднее осьми утра и оставил ее ранее двенадцати часов вечера, не
будь даже вовсе работы. Потому Раструбину чрезвычайного труда, многих угроз и
просьб стоило уговорить его отправиться с ним немедленно к Хлыщову.

Нет в мире художника, способного видеть равнодушно плод своей
производительности. Следовательно, несколько не удивительно, что первым чувством
господина Дирлинга-младшего, когда зеленый наш герой явился ему во всем своем
блеске, было удовольствие, ясно выразившееся в угрюмом его лице. Много
представлялось ему случаев видеть утешительные доказательства превосходных
свойств своего изобретения, которому не знал он равного в истории человеческих

изобретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1
открытий, но такого резкого и оригинального примера еще не встречалось! Немец
решительно был умилен.

– – Как ловко забрал! – проговорил он, медленно-медленно осматривая лицо Хлыщова. – Вы, должно быть, много натирал и скоблил, – прибавил он, недовольный некоторыми неровностями в цвете, которых, по его соображению, не следовало ожидать при правильной просушке окрашенного предмета.

– – Уж и мыл, и тер, и скоблил, так что измучился! – отвечал Хлыщов. – А всё ничего не мог сделать. Вот как вы...

Немец самодовольно улыбнулся.

– – Что ж, почтеннейший, видите, ваша помощь необходима, – сказал старик. – Сами настряпали, так теперь и расхлебывайте!

– – Можете вы помочь? – тихо, с сильным биением сердца спросил Хлыщов.

Немец смотрел, смотрел, думал и наконец отвечал медленно и решительно:

– – Никто не можно.

Хлыщов в отчаянии схватился за голову своими зелеными руками.

– – Как нет? – запальчиво воскликнул старик. – Отчего нет? Нет, уж извините – вы не отделаетесь, краска – ваше изобретение, и вы должны знать...

– – Не горячитесь, – спокойно и мрачно отвечал господин Дирлинг-младший. – Краску изобрел не я, а мой брат, Франц Георг Дирлинг-старший. Чтоб вывести ее, надо составные части знать, а секрет у него: он поехал в Париж просить привилегию... Вернется будущей весной, тогда...

– – Будущей весной!!!

Хлыщов вскрикнул, пораженный ужасом. Старик тоже, казалось, потерялся и отчаянно понурил голову. Минута была страшная, и собака, допущенная уже в комнату, довершила мрачный эффект. Напрасно думал Хлыщов, что она уже привыкла к нему. Точно, она старалась воздерживаться и лежала сначала смирно; но, всматриваясь с постоянным напряжением в его лицо, она понемногу начала щетиниться, вздрагивала, скалила зубы, наконец задрожала... и вдруг разразилась свирепейшим лаем, кинувшись с оскаленными зубами к своему несчастному хозяину!

– – Уведи ее прочь, Мартын!.. Мартын! – кричал Хлыщов, зажимая уши.

Много угроз наговорил немцу Раструбин, убеждая его не упрямиться; но немец клялся, что ничего не может сделать. Видя, что угрозами его не проймешь, старик стал упрашивать, рассказал ему обстоятельства, при которых совершилось несчастное событие, унизился даже до лести, назвав заведение братьев Дирлинг и Ко лучшим в Москве и похвалив в особенности их зеленое изобретение. Немец, очевидно, был тронут; чувство проглянуло в его угрюмом, неподвижном лице; но ответ его был всё тот же:

– – Не могу, подождите брата.

– – А не поставит ли ему пивок? – спросил вдруг старик, как будто озаренный светлой мыслью.

Немец подумал.

– – Ах! Степан Матвееч, вы всё с пивками!

– – Нет, пивка не поможет.

– – Ну так что же? Что же? – тоскливо приставал к господину Дирлингу старик.

– – Пожалуй... если уж хотите, – сказал немец, видимо искавший в голове своей способа помочь горю. – Пожалуй, попробоваться...

изобретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko

– – Что? – кидаясь к нему, спросил Хлыщов.

– – Мое думанье, – нерешительно проговорил немец, взвешивая каждое слово, – мое думанье: пробуем перекрасить!

Старик взбесился.

– – Что? перекрасить! Моего зятя перекрасить! Вы еще вздумали шутить?

– – Я не шучу! – сердито отвечал немец, – а по вашей же просьбе предлагаю, как возможно! А не хотите, так мой почтенье!

И он хотел уйти и отворил уже дверь. Собака осторожно проскользнула в нее и тихо легла на полу. Хлыщов остановил немца.

– – А в какой цвет? – спросил он тихо и кротко.

Дирлинг-младший подумал.

– – В голубой можно.

– – В голубой!

Хлыщов ударил своей зеленой рукой по зеленому лбу, причем собаку видимо начала пробирать новая охота полаять. – В голубой! Хороша перемена!

– – В голубой?! – кричал старик.

– – А не хотите в голубой, – отвечал немец, – так можно...

– – Что?

– – Можно оставить тот же цвет, только по развести, сделать так – муаре...

– – Муаре!

Хлыщов вновь наградил себя ударом по зеленому лбу. Собака, подмечавшая каждое его движение, не выдержала и подняла лай.

– – Муаре! Муаре! – с негодованием и отчаянием повторял старик. – Муж моей дочери – муаре! прекрасно, благодарю... Нет, уж такие шутки...

– – Я говорил вам, что я не шучу, – грубо возразил немец. – Нечего больше говорить, – продолжал он уходя и прибавил шепотом: – Пустой люд!

Никто его не удерживал: старик в горячности ничего не видел, а Хлыщов справлялся с собакой, которая так рассвирепела, что чуть не искусала его. Немец так и ушел.

– – Знаете что, Степан Матвееч? – сказал Хлыщов, когда старик несколько успокоился. – Он говорил, что не знает составных частей, да ведь на то есть химики... а, как думаете? ведь они должны знать...

Старик одобрил его мысль, объявил, что у него есть даже знакомый знаменитый химик, и через час привез его. Визит химика был короток и также неутешителен. Осмотрев зеленого человека и отдав полную справедливость превосходным свойствам изобретения господ Дирлинг и Ко, он объявил, что состав краски новый, никому, кроме изобретателей, неизвестный, и потому сделать ничего невозможно, а лучше предоставить дело благодетельному действию времени.

По к нему приставали: нельзя ли как-нибудь? чем-нибудь? сколько-нибудь? и тогда он сказал:

– – Пожалуй, есть одно средство: можно попробовать. Но риск, большой риск... не советую! нельзя ручаться – глаза могут лопнуть.

С последним словом он ушел, оставив слушателей своих в глубоком ужасе.

Так кончились многочисленные попытки нашего героя уничтожить следы

новобретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikoT
новоизобретенной привилегированной краски братьев Дирлинг и КО, не линяющей ни
от воды, ни от солнца и сохраняющей навсегда свой первоначальный густо-зеленый
цвет с бронзовым отливом.

XI

Какого бы рода впечатление ни производили странные и горестные приключения зеленого человека, читатель не может не сознаться, что автор поступал с ним (разумев; читателя, а не зеленого человека) великодушно. Многое,; многое принесено в жертву краткости. Совсе не развита внутреннее состояние героя со времени знаменитой окраски, бледно очерчен господин Раструбин, еще бледнее господин Дирлинг-младший, вовсе не очерчен характер химика, даже не приведено письмо героя к Раструбину... сколько поводов к упрекам со стороны строгого ценителя! сколько поводов к признательности со стороны простого, читателя, любящего шутку, не переходящую известной границы! А как в виду в настоящем случае имеется читатель, а не строгий ценитель, именуемый критиком, то автор решается быть до конца великодушным, почему и сожмет еще более последнюю главу своего рассказа.

Странные бывают истории, чрезвычайно странные и поразительные, но, к сожалению, разрешаются они всегда так, что рассказчику их под колец становится неловко, даже совестно. С горестию должны мы признаться, что дальнейшее развитие истории зеленого человека не представляет ничего особенного. Хлыщов, убитый окончательно последними попытками, преследуемый судьбой, обстоятельствами, угрызениями совести и даже собственной своей собакой, впал в отчаяние, близкое к помешательству. Раструбин еще крепился, но безнадежность прокрадывалась уже и в его сердце, к которому, думал он, смущенный его сильным биением, не минешь, никак не минешь приставить пивок.

Единственной помехой к немедленному кровопусканию явилась новая, неожиданная надежда, вспыхнувшая в груди доброго старика. Ему казалось совершенно неправдоподобным, неестественным, чтоб злодей Дирлинг-младший не знал составных частей краски и не мог уничтожить ее. И он снова отправился к Дирлингу.

Он застал его перед целым котлом той самой жидкости, которая угрожала расстроить счастье его дочери. Господин Дирлинг, покуривая коротенькую трубочку, систематически опускал в котел распоротые салоны, платья, шали, курточки и многое другое суконное, шерстяное, шелковое, желтое, красное, полосатое...

"И есть же дураки, которые позволяют пачкать свои вещи таким составом!" - думал Раструбин, глубоко ненавидевший уже зеленую краску.- Господин Дирлинг! Я должен говорить с вами без свидетелей!

Немец увел его в верхние комнаты. Там Раструбин объявил ему решительно, что будет жаловаться, поднимет процесс, если красильщик немедленно не поправит своего злодейского дела. Чтобы показать законность своего вмешательства, он подробно раскрыл ему свои отношения к Хлыщову и объявил, что защищает в нем будущего своего зятя.

- - Какой он вам зять! - с гневом воскликнул господин Дирлинг-младший, выслушав терпеливо его длинную речь.- Он низкий человек!

- - Как, что такое? Вы смеете!

- - Да, низкий! Какой же другой станет чужую жену соблазнять, когда через день хотел идти под венец! Чего вам хлопотать...

- - Да разве он?..

- - А вы не знаете?

И господин Дирлинг-младший обстоятельно рассказал старину настоящую историю несчастного волокитства. В свидетели он представил даже свою жену, которая подробно и верно описала Хлыщова, по желанию старика, а в заключение принесла брошку, которую герой наш подарил ей, о чем мы забыли упомянуть.

- - Я не хотела брать, а он оставил и ушел. Возьмите ее, мне не нужно!

Увидав брошку, старик не сомневался более. Он вспомнил, что дочери его хотелось

изобретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikoT иметь именно такую брошку и что герой наш вызвался купить ее. (Брошка изображала жука с золотыми точками и лапочками.) И догадка старика была справедлива: действительно, Хлыщов купил и нес брошку невесте, но, завернув к красильщице, не выдержал и навязал ей.

И вдруг вместо прежней ненависти старик почувствовал к превосходному изобретению господ Дирлинг и Ко такое глубокое расположение, что готов был перекрасить в зеленый цвет всё свое имущество!

– – Слава богу, что я впору спохватился и не отдал дочери такому сорванцу! – воскликнул он, обнимая господина Дирлинга-младшего и сожалея, что не может предложить своих объятий и господину Дирлингу-старшему, настоящему виновнику краски.– Ну, почтеннейший, извините! Напрасно вас осуждал: славно, славно вы сделали! Да неужели в самом деле краска ваша такая, что ничем уничтожить нельзя?

– – Такая, – отвечал коротко и гордо немец.

– – Ха! ха! ха!

Старик хохотал самым веселым и добродушным образом.

– – Поделом, поделом ему! Пусть его повозится, пока кожа слезет и новая нарастет... Ха! ха! ха!

Он ушел, довольный и немцем, и собой, и красильщицей, а всего более превосходной краской господ Дирлинга и Ко.

Но дома ждало его новое горе. Варюша, огорченная двухдневным отсутствием жениха, была грустна и желта, как воск. Когда отец объявил ей, что Хлыщов уже не жених ее, она упала в обморок. Напрасно потом старик обстоятельно рассказал ей низкий поступок Хлыщова, показал брошку, описал, даже преувеличил безобразия зеленого нашего героя: ветреная девушка, увлеченная рассказами о Петербурге, о блестящем родстве и знакомстве Хлыщова, об итальянской опере, ничего не хотела слышать и только кричала, что не пойдет ни за кого другого, что умрет, что не может жить без Хлыщова...

– – Но ведь он уж теперь не такой, как был, – возражал старик, – совсем не такой: душа у него, как открылось, черная, а лицо... лицо зеленое, зеленое как арбуз... ха-ха-ха!

Варюша продолжала рыдать. Старик думал уж поставить ей пиявки; но вдруг ему пришло в голову другое лекарство.

– – Хорошо же! – сказал он. – Вот ты его увидишь, только уж смотри: понравится ли, нет ли – выходи! Я уж не посмотрю... ха-ха-ха!

Он ушел.

– – Дома Леонард Лукич?

– – Дома-с.

– – Что делают?

– – Да что-с? Изволят мыться. Мыло новое купили, с золой смешали.

– – Ну, что ж?

– – Да плохо-с.

Хлыщов сидел перед зеркалом. Зеленые щеки его были намылены. Он тер их щеточкой, какую чистят ногти. Против него стоял его дагерротипный портрет, снятый еще до рокового события. Несчастный по временам сличал – увы! разница была непомерная.

– – Ну, любезный Леонард Лукич, – сказал Раструбин, входя к нему, самым дружелюбным голосом. – Свадьбу я отложил; насилу уговорил и уладил. Так теперь другая беда: дочь в отчаянии; непременно хочет вас видеть. Он, видно, говорит, умер.

- - Как же мне?.. Сами посудите.
- - Ничего. Я уж немного их, знаете, приготовил. Надо, надо... поверьте, ничего.
- - Но благоразумно ли будет, в таком...
- - Что лицо! Сами знаете, когда искренно любишь... притом дело все-таки преходящее: ну, увидит так, увидит потом и иначе: вот таким молодцом!

Он щелкнул по дагерротипу.

- - Увольте, Степан Матвеич,- сказал умоляющим голосом зеленый человек.- Уладьте как-нибудь.
- - Невозможно, невозможно! пожалейте ее. Она вас так любит.
- - Ну, пожалуй,- нерешительно сказал Хлыщов, тронутый последним замечанием.- Надобно же проститься. Только знаете, Степан Матвеич, нельзя ли так... в сумерки... и свеч не подавать.
- - О, разумеется, разумеется! просто по-домашнему, Вот теперь семь часов. Я пойду домой, а вы оденьтесь да так в восемь и приходите.
- - И никого чтоб посторонних.
- - Разумеется. Ну, прощайте...
- - Только уж вы приготовьте, пожалуйста. Расскажите.
- - Рассказал уж... да, расскажу непременно, непременно!

Старик ушел, а Хлыщов принялся одеваться. Двухчасовые приготовления с дороги, когда он готовился явиться к невесте в первый раз и мучительно заботился о ничтожном красном пятнышке на носу, ничто в сравнении с теми усилиями, какие употреблял он теперь, чтобы придать благовидность своей особе. Но трудно было достигнуть успеха. Во-первых, лицо, нечего уж и говорить! а во-вторых, почти всё платье его было перекрашено в зеленую краску. Досадный зеленый цвет то и дело подвертывался.

- - Ну вот! разве нет другого? - с негодованием воскликнул он, когда Мартын подсунул ему зеленый шарф.- Вечно глупости делаешь!

И невинный шарф полетел под стол.

Та же история повторилась с жилетом.

Повязав платок и выпустив полисоны, он посмотрелся в зеркало. Сочетание белого с зеленым сильно не понравилось ему, и в самом деле было нехорошо. Он спрятал воротнички - стало почти не лучше, но он оставил так.

- - Ну, что? - спросил он, одевшись наконец совершенно, у Мартына.- Как: странно?

Он боялся употребить более точное выражение.

- - Оно странно, точно странно! - отвечал Мартын.- Только ничего: цвет все же хороший!
- - Хороший! - с горькой иронией повторил Хлыщов.- Ты, братец, правду говори: хуже такого цвета и не выдумаешь, так?
- - Э, сударь! такие ли цвета прибирают в разных живописных обозрениях!

Посмотревшись еще раз, два и три в зеркало, выпустив снова и снова спрятав воротнички, обтянув зеленые руки перчатками (о! как ему хотелось сделать то же с лицом), Хлыщов сел в карету и поехал к Растроубиним.

изобретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko
"просижу не больше пяти минут, а потом уж не покажусь, пока не сойдет",- думал он.

Увы! он не предчувствовал, что визит его будет последним!

Жестоко, бесчеловечно поступил с ним хитрый старик. Как только прозвенел колокольчик, тронутый дрожащей рукой зеленого человека, гостиная господина Раструбина осветилась двумя лампами и целой дюжиной свеч. Несчастный вошел - и ноги его подкосились; он хотел воротиться, но старик самым дружелюбным образом обхватил рукой его шею и повлек свою жертву к середине комнаты.

- - А, почтеннейший, почтеннейший! - кричал он.- Насилу дождались... ну, спасибо!.. жена, дочь! вот вам любезнейший наш Леонард Лукич. Как видите, и жив, и здоров, и красив. Ха-ха-ха!

И он подтащил его к дамам. Нечего и говорить, эффект был удивительный: превосходное изобретение господ Дирлинг и Ко и здесь, как всегда, с честью поддержало свою заслуженную славу, и даже, благодаря множеству свеч, блистательнее, чем когда-нибудь...

Поликсена Ираклиевна вскрикнула и совершенно безумными, дикими глазами впилась в зеленое лицо, искаженное признаками глубокого страдания. Варюша упала в обморок. Черненькие дети господина Раструбина прыгали вокруг Хлыщова с криками:

- - Зеленый, зеленый, зеленый!

- - Папенька!.. Степан Матвеич!.. милостивый государь! что вы со мной сделали?- глухим, полным удушающего страдания голосом произнес наконец Хлыщов, начиная догадываться о страшной истине.

- - Ничего, ничего... ну, понятно, первое впечатление: ведь, почтеннейший мой, и вы, я думаю, в первый раз не без удивления увидели... ха-ха-ха!

- - Я не о том говорю! - возразил обидчиво Хлыщов,- Кто не знает, что... что... несчастье, которое...

Он задышался и не мог говорить.

- - Сестрица, сестрица! посмотри: зеленый, какой зеленый! - кричали дети, тормоша сестру.- Ха-ха-ха!

Дети прыгали и хохотали.

Варюша взглянула: смех невинных малюток был заразителен - она тоже расхохоталась.

- - Что, хорош твой жених, хорош?- воскликнул господин Раструбин.- Хочешь за него выйти? а? ха-ха-ха!

И он тоже расхохотался. Все хохотали. Соседние двери растворились. Появилось несколько лиц, более или менее знакомых Хлыщову. Хохот поднялся - гомерический!

- - Пиявочек пиявочек! - кричал старик.- Поверьте, самое лучшее средство, почтеннейший. Оно и тем хорошо, что кровь поуспокоит,- у вас она такая горячая. Ха-ха-ха!

- - У нас в Персии,- говорила Поликсена Ираклиевна, сдерживая густой, певучий свой смех,- случается, красят волосы, красят и лицо, но цвет, цвет...

- - Я никогда не думал,- заговорил ошеломленный Хлыщов,- чтоб несчастье достойно было такого... такого... (он не докончил своей мысли). Конечно, большое несчастье, но неужели... неужели одно лицо могло так изменить дружеское расположение... приятель даже, можно сказать. Сколько видим примеров в истории... сколько было даже великих людей с телесными недостатками... но не одна же наружность?... Кажется, прежде всего душевные качества, душа...

- - Душа? - подхватил старик.- Ха-ха-ха! знаем мы, какая у вас душа! А красильщица?

– – Варвара Степановна! – воскликнул несчастный. – Неужели и вы? неужели те чувства, которые, можно сказать, соединяли наши сердца...

Она ничего не отвечала, но, продолжая хохотать, принесла брошку с изображением известного жука, показала ее несчастному и бросила...

Он всё понял и испустил странный, раздирающий крик... Ему стало вдруг душно, невыносимо душно. Он рванулся из объятий Раструбина, которого рука всё еще покоилась на его плечах, и побежал к двери.

Его проводили громким, всеобщим хохотом...

XII

Так кончились приключения Хлыщова. Он воротился в Петербург, и первый человек, попавшийся ему тут, был господин Турманов, ехавший в великолепной коляске.

"Видно, выиграл! – подумал Хлыщов. – Так в жизни: один отыграется, а другой попадет в такой лабет, в такой лабет, что просто хоть пропадай..."

С месяц не мог он никуда показаться. Наконец в исходе сентября в первый раз радость посетила его: собака узнала его, – и надо было видеть, в каком восторге она была! Еще через месяц следы краски были уже едва заметны. Его начали узнавать и люди. Гуляя раз в отдаленной улице (в многолюдные он не смел еще показываться), он встретил шедших под руку господина Турманова и того приятеля, к которому писал из Москвы известное читателю письмо.

– – А! Хлыщов! Хлыщов! – кричали они. – Насилу воротился!.. ну что, женат?

– – Нет, – отвечал он сухо.

– – А что же?

– – Да так... невеста не понравилась...

1853–1855

Комментарии

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1850, No 4 (ценз, разр. – 31 марта 1850 г.), отд. I, с. 167–222, с. подпisyю: "Н. Некрасов".

В собрание сочинений впервые включено: стихотворение "Мечь горца" – ПССТ 1927; полностью – Собр. соч. 1930, т. III.

Автограф не найден.

Датируется концом 1849 – мартом 1850 г. В основу повести лег анекдот "Золеный любовник", впервые рассказанный в "Северной пчеле":

"Недавно один немецкий лев волочился за женою красильщика. Муж подметил эти проделки и как-то врасплох застал любовника на коленях перед женою. Мщение было придумано им уже давно. Красильщик был сильный и дородный мужчина. Он притащил волокиту к красильному чану и окунул его в краску; после того поклонился и отпустил его. Кое-как добрался несчастный до дома, сопровождаемый насмешками толпы. Дома начал он мыться и чиститься, но все труды и усилия его были бесполезны: краска была с сильною протравкою и лицо льва навсегда останется зеленым" (СП, 1844, 25 апр., No 92).

26 марта 1849 г. А. Н. Плещеев в письме к С. Ф. Дурову в числе других анекдотов, "которые ходят по Москве и делают страшный скандал", рассказал о подобном же случае: "Один гусар-офицер волочился за женою красильщика. Муж, возвратясь однажды из клуба ранее обыкновенного, застаёт его у себя, пьющего чай с его женою и облаченного в его халат; красильщик не отвечал ни слова на сказку, выдуманную офицером для истолкования такого пассажа, и сам присоединился к чаю.

изобретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов некрасovniko1
Часа два спустя красильщик зовет офицера посмотреть его фабрику. Офицер, обрадованный, что муж ничего не подозревает, согласился. В красильной в это время стоял огромный чан с синей краской, на изобретение которой красильщик только что получил привилегию. Когда они подошли к чану, оскорбленный супруг схватил офицера за шею и трижды окунул его лицом в краску. По окончании этого процесса офицер был совершенно небесный. "Ну, давайте я вас вытру", - сказал, рассмеявшись, красильщик и, помочив тряпку в какую-то жидкость, стоявшую на окне в миске, стал вытирать ею лицо офицера. Но это была не вода, а такой состав, после которого краска уже не могла никогда сойти. Офицер в отчаянии бросился в клинику, но, что ни делали доктора, все напрасно. Призвали красильщика, он отвечал, что получил привилегию и не откроет своего секрета никому, но что переокрасить в черную краску может. Теперь бедный офицер лежит облепленный шпанскими мухами и не имея довольно денег, чтобы заплатить красильщику за открытие секрета. Красильщик - французский подданный, и наказать его нельзя. Не правда ли, славная история? Напоминает гоголевского поручика Пирогова, с которым Шиллер и Лессинг {Ошибка Плещеева, имя второго гоголевского героя Гофман.} также распорядились домашним образом. Этот факт составляет предмет разговоров, куда ни приди" (Дело петрашевцев, т. III. М.-Л., 1951, с. 293-294).

Повесть Некрасова характерна для эпохи "мрачного семилетия" (1848-1854), когда писатель-сатирик часто был вынужден ограничивать свои задачи лишь тем, чтобы забавлять и смешить читателя. "Стоит только сравнить "Краску Дирлинг" с "Петербургскими углами", написанными Некрасовым за несколько лет до того, - писал К. И. Чуковский, - чтобы увидеть, какая глубокая пропасть лежит между эпохой "физиологии Петербурга", "Петербургского сборника" и мрачным семилетием, которое сменило ее. Поэт как бы сказал своим новым рассказом: уже нет ни малейшей цензурной возможности следовать за Гоголем в деле обличения ненавистного строя, так что приверженцам Гоголя до времени остается одно: воспроизводить внешние приемы его мастерства, внешнюю литературную форму" (Чуковский, с. 114).

Не исключено, однако, что окончательной редакции произведения предшествовала какая-то другая, не одобренная цензурой. 2 января 1850 г. Некрасов писал цензору "Современника" И. И. Срезневскому: "Препровождаю при сем повесть "Случайность"; г-ну Крылову она не понравилась в первобытном виде; он доложил о ней председателю - и решили они, чтоб ее переделать. Посылаемый оттиск есть уже переделанный, и в этом новом виде г-н Крылов подписал ее. Всё это считаю не лишним довести до Вашего сведения и вместе с тем всепокорнейше Вас прошу выдать поскорее эту повесть...". Произведение с таким названием в "Современнике" не печаталось. Предположение, что в письме речь идет о рассказе Н. Станицкого (А. Я. Панаевой) "необдуманный шаг", напечатанном в No 1 журнала (см.: Звенья, V. М.-Л., 1935, с. 502-503; ПСС, т. X, с. 139), неосновательно. Январский номер "Современника" за 1850 г. был разрешен цензурой 31 декабря 1849 г. Название "Случайность" по соответствию содержанию упомянутой повести Панаевой. Комментируемая же повесть Некрасова с ее анекдотическим сюжетом вполне могла иметь первоначальное название "Случайность"; этими соображениями мотивируется (предположительно) первая дата при определении хронологических границ работы над повестью.

Явная зависимость автора "Новоизобретенной привилегированной краски..." от Гоголя, в частности от его "Невского проспекта", "как относительно его юмора, так и манеры изображения пошлости, преимущественно в мелочах обывденной жизни", впервые отмечена С. И. Пономаревым (Ст 1879, т. I, с. LXV).

Образ пошлого жуира Хлыщова продолжает галерею гоголевских хлыщей 1830-х гг. (Пирогов, Ковалев, Хлестаков и пр.). С героями "Носа" и "Ревизора" Хлыщова роднит тщательная забота о своей наружности (см., например, эпизод с носом Хлыщова, утратившим в дороге прежний цвет), тщеславие и склонность к вдохновенной лжи (подробнее об этом см.: Зимина, с. 171-172, а также: Евгеньев-Максимов, т. II, с. 154-155). Образ камердинера Хлыщова, "мыслящего человека", любителя чтения, с удовольствием рассказывающего об образе жизни своего барина, восходит, по-видимому, к Петрушке из "Мертвых душ".

В творчестве самого Некрасова Хлыщову предшествует герой "Опытной женщины" (1841). В 1855 г. сходная с комментируемой повестью история о хлыще, в которой может быть отмечена скрытая цитата из "Невского проспекта", вошла в роман "Жизнь и похождения Тихона Тростникова" (ч. 2, гл. VIII). С "Невским проспектом" связан сюжет приписываемого Некрасову стихотворения "Обыкновенная история", в котором действует герой-хлыщ и эпитафия к которому взят из повести Гоголя (1845; см.:

Зарегистрированная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1
наст. изд., т. I, с. 438).

Поэтический эскиз образа хлыща можно видеть в портрете героя сатирического стихотворения Нового поэта (коллективный псевдоним И. И. Панаева и Некрасова) "Франт" (С, 1849, No 6, "Моды", с. 3-4):

Он молодец и в цвете лет,
Он вечно завит, распомажен,
К нему лазоревый, жилет
Безукоризненно прилажен,
А по лазори все цветы;
Сюртук с иголки и брюки
Невероятной пестроты;
В перчатках стянутые руки
И сверх перчатки - бриллиант..
Оп в полном смысле слова - франт!
Брелоков бездна: рог и ножик,
И барабан, и паровоз;
Духи - экстре из тубероз,
И фонари у круглых дрожек!..
Сам бодрости своей не рад,
В пальто на полосатой байке,
В четырехместной таратайке
Один оп скачет в Летний сад.
Он у Дгоссо как будто дома,
Кричит: "Матюшка! поскорей
Подай мне коньяку иль рому
Да редерер похолодней!"
На стороне его все шансы,
Оп обольститель легких дам:
Всегда собой доволен сам,
Оп в их кругу поет романсы,
Он врет и хвастает без мер,
Как Хлестаков, почти невольню,
Всегда твердя самодовольно:
"Diantre, мон шер, ком са пут шер!" {*}

{* фельетонист "Сына отечества" Л. В. Брант, регулярно выступавший с нападками

новобретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko на Некрасова и его журнал, безапелляционно "атрибутировал" это стихотворение Некрасову (Сын отечества, 1849, No 5, отд. VII, с. 37). В ответном фельетоне, высмеивавшем Бранта и его "творчество", Некрасов заявил, что "стихотворения Нового поэта, иногда печатающиеся в "Современнике", ему не принадлежат (С, 1849, No 9, "Смесь", с. 171).}

Тема хлыщей развивалась и в таких произведениях писателей "натуральной школы", близких к "Современнику", как "Похождения Накатова" (1849) и "Свистульки" (1855) Д. В. Григоровича; "Львы в провинции" (1852), "Опыты о хлыщах" (1854-1857) и И. И. Панаева и др. В их ряду повесть "Новобретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко" отличается особым мастерством Некрасова - юмориста и создателя комических характеров.

Пародийное стихотворение "Месть горца", по предположению В. Я. Бухштаба, написано ранее и в тексте комментируемой повести производит несколько искусственное впечатление (Некр. сб., II, с. 138).

Известен краткий пренебрежительный отзыв анонимного рецензента "Отечественных записок" о некрасовском произведении, "назначавшемся, вероятно, для другого отдела ("Современник", - Ред.) и по ошибке внесенного в "Словесность": "Литературного достоинства оно не имеет никакого, а случай, о котором рассказывает оно, давно все знали" (ОЗ, 1850, No 12, отд. VI, с. 131). Через пять лет В. Р. Зотов в рецензии на роман "Тонкий человек..." писал о "немногочисленных и неблестящих" прозаических опытах Некрасова, среди которых упоминал и "Новобретенную привилегированную краску...": "Еще слабее была повесть, взятая из старинного анекдота о франте, выкрашенном ревнивым красильщиком в зеленую краску" (П, 1855, No 3, отд. IV, с. 6). В рукописном отделе ИРЛИ АН СССР (Р. I, оп. 20, No 9) хранится водевиль "Секрет красильни братьев Дирлинг", переделанный из произведения Некрасова. Пьеса подписана псевдонимом "Борисфен" и относится к 1920 г. Известна также инсценировка рассказа под заглавием "Зеленый человек" (1952) - см.: ЦГАЛИ, ф. 2679, он. 1, No 1155.

С. 385. Брик - открытая коляска (от "бричка").

С. 388. На заре ты ее не буди ~ ланит...- неточная цитата из первого куплета романса А. Б. Варламова на слова А. А. Фета "На заре ты ее не буди".

С. 388. Ассан сидел, нахмуря брови ~ выл.- Ср. начало поэмы Пушкина "Бахчисарайский фонтан":

Гирей сидел, потупя взор:

Янтарь в устах его дымился.

Кальян - у восточных народов курительный прибор, в котором, табачный дым охлаждается и очищается, проходя через воду.

С. 388. И, грозно молвив: "Крови! Крови!"...- См. комментарий на с. 557-558.

С. 389. Любимым его чтением был "Кавказский пленник", после которого всего выше ставил он "Хаджи-Абрека"...- "Кавказский пленник" (1828) и "Хаджи-Абрек" (1833) - поэмы Лермонтова.

С. 391. ...в гостиницу Шора...- Эта гостиница находилась в Охотном ряду (ныне проспект Карла Маркса).

С. 392. Фуляр - шелковый платок, в данном случае шейный.

С. 401. Я, говорит, велел в дикую, а вы переокрасили в серую...- Дикой называлась темно-серая краска.

С. 401. Вохра (охра) - минеральная краска желтого или красного цвета.

С. 403. ...рассказы о фрецолини, о Ворси (Гриси и Марио тогда еще не было в

изобретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов (неkrasovniko1 Петербурге), о Фанни Эльслер... Эрминия Фреццолини (1818-1884) и Джулия Борси (1817-1877) – итальянские певицы, гастролировавшие в Петербурге в 1848 г. Певцы-супруги Джованни Марио (1810-1883) и Джулия Гризи (1811- 1869) приехали на гастроли в Петербург осенью 1849 г. Фанни Эльслер (1810-1884) – австрийская балерина, выступавшая в Петербурге в 1848-1851 гг. (см. о ней: наст. изд., т. VI, с. 671).

С. 403. ...яркими красками описывал он мнимые победы борсистов над фреццолинистами...- В сезон 1848-1849 гг. в итальянскую оперную труппу Большого театра в Петербурге, где до этого господствовала итальянская примадонна Д. Борси, была ангажирована прославленная Э. Фреццолини, потеснившая Борси. Предметом их соперничества был не только успех у зрителей, но и распределение ролей в спектаклях. Актрисы пользовались поддержкой совершенно различных социальных групп. Любимицей меценатов и аристократической публики, как пишет историк театра, была прославленная Фреццолини. "Верхние же ярусы лож и галереи, где заседали истинные, но неблестящие меломаны, остались верны Борси и объявили себя врагами Фреццолини, которая отнимала от соперницы лучшие ее роли. <...> Таким образом образовались в зале Большого театра свои гвельфы и гибеллины, ожесточенные друг против друга. Борьба же выказывалась всего более в спектаклях, где участвовали обе примадонны, например в "Роберте" и в "Дон-Жуане". Каждая партия старалась вызвать лишний раз свою богиню и кинуть ей как можно более букетов. Борси брала верх числом, а Фреццолини качеством и дороговизной" (Вольф А. И. Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года, ч. 1. СПб., 1877, с. 128). Ср. об этом же "конфликте" театральных "партий" в рассказе Ф. М. Достоевского "Чужая жена и муж под кроватью" (1849) – Достоевский, т. II, с. 62, 481.

С. 412. Он говор ~ прозябанье.- Слегка измененная цитата из стихотворения Е. А. Баратынского "На смерть Гете" (1832):

И говор древесных листов понимал,

и чувствовал трав прозябанье...

С. 412. "Библиотека для чтения" – журнал, издававшийся в 1830-1850-е гг. в Петербурге О. И. Сенковским, постоянный оппонент и соперник некрасовского "Современника" в 1840-е гг.

С. 414. Он вспомнил зеленые бронзовые головы, привлекавшие некогда толпу зрителей ~ к фокуснику Родольфу...- Выступления фокусника Родольфа в Петербурге в 1843-1844 гг. с автоматами, которые отвечали на вопросы, рисовали, считали, имели большой успех у публики. "В соответствии с автоматом, – писала одна из петербургских газет, – г-н Родольф приготовил две "мемноновы головы", висящие "на лентах" <...> и не прикасающиеся к стене. Каждая из этих голов – безделица! – дает ответ на какой угодно вопрос, предложенный вами другой голове тихонько, шепотом, на ухо; не хотите, чтоб ответ на ваш вопрос произнесен был громко, скажите одно слово – и тут же стоящий аппарат Эльфодор, ничем не сообщающийся с этими головами, напишет вам ответ" (РИ, 1844, 11 окт., No 228; см. также: РИ, 1844, 29 окт., No 244; ЛГ, 1844, 16 ноября, No 45).

С. 419. Ладан – ароматическая смола некоторых тропических деревьев, употребляемая для курения, главным образом при богослужении.

С. 421. ...не двести ассигнациями, а шестьдесят пять тысяч серебром.- О переводе ассигнаций на серебро см. комментарий на с. 555.

С. 424. ...просить привилегию...- Здесь: хлопотать о патенте.

С. 425. ...муаре...- т. е. под муар, ткань, имеющую переливчатую окраску.

С. 429. Против него стоял его дагерротипный портрет...- Дагерротипные портреты – первоначальное название изобретенных в 1839 г. Л.-Ж. Дагером фотографических снимков.

С. 430. Полисоны – крахмальные оборки (франц. polisson).

изобретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и Ко. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko
С. 432. Мабет – недобор взятков в карточной игре, штраф за этот недобор.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nekrasovnikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!